

МИТРОПОЛИТЪ ВСЕЯ РОССІИ СВ. ПЕТРЪ 1).

Преемникомъ митр. Максима 2) былъ св. Петръ, снова природный Русскій, какъ митр. Кириллъ III 3), и именно— опять южанинъ и изъ одной и той же съ послѣднимъ области Галичско-волынской.

Источникъ свѣдѣній о жизни св. Петра мы имѣемъ кромѣ лѣтописей еще въ двухъ его житіяхъ. Такъ какъ при его мощахъ начали совершаться чудеса съ самой минуты его погребенія и такъ какъ существовали нарочитые поводы къ заботамъ о скорѣйшемъ всероссійскомъ его прославленіи: то въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1326 году, написано было его житіе. А посліку первоначальное житіе найдено было потомъ неудовлетворительнымъ, то вслѣдствіе сего было составлено другое или второе житіе. Первое житіе въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ спискахъ его усвоится Прохору, спискоцу Ростовскому, который былъ поставленъ св. Цестромъ въ 1311 г. и который скончался черезъ два года послѣ него въ 1328 г.; но о Прохорѣ житіе говоритъ въ третьемъ лицѣ и называетъ его преподобнымъ, почему и должно быть считаемо произведеніемъ неизвѣстнаго 4). Второе житіе

1) Изъ приготовленнаго къ печати втораго тома Исторіи русской церкви.— Содержаніе см. на концѣ.

2) Втораго нашего митрополита послѣ нашествія Монголовъ, родомъ Грека, скончавшагося въ 1305-мъ году.

3) Первый нашъ митрополитъ послѣ нашествія Монголовъ, скончавшійся въ 1280-мъ году.

4) Изъ синодальнаго сборника XVI вѣка житіе напечатано *К. И. Невостровецкимъ* въ яварской книжкѣ Харьковскаго Духовнаго Вѣстника 1862 г.; изъ Новгородскаго Софійскаго сборника XIV вѣка напечатано *проевннн*.

написано митр. Кипріяномъ послѣ 1390 г. (въ которомъ онъ окончательно сѣлъ въ Москвѣ на кафедру митрополіи)¹⁾. Житіе неизвѣстнаго очень кратко, въ отношеніи повѣствовательномъ страдаетъ явными пропусками, а въ отношеніи ораторскомъ слишкомъ скудословесно. Житіе Кипріяново отчасти составляетъ литературную обработку житія неизвѣстнаго, а отчасти сообщаетъ и новыя противъ него свѣдѣнія, восполняя его повѣствовательные пропуски. Къ сожалѣнію, вовсе нельзя сказать о житіяхъ, чтобы онѣ представляли собою источникъ свѣдѣній о жизни св. Петра вполне удовлетворительный. Прежде всего, онѣ ничего не говорятъ объ его церковно-правительственной дѣятельности, ограничиваясь въ этомъ случаѣ общими немногими фразами и указывая только на одну черту дѣятельности, саму по себѣ очень неопредѣленную. Затѣмъ, и другія ихъ свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи его жизни, заключаютъ въ себѣ недосказы и умолчанія. Время святительства св. Петра было временемъ крайне ожесточенной борьбы между двумя князьями Тверскимъ и Московскимъ изъ-за вопроса о первенствѣ, за которымъ, видимо или невидимо для борющихся, стоялъ вопросъ о томъ, которому княжеству — Тверскому или Московскому стать зерномъ будущей великой Руси. Между двоими борющимися св. Петръ сталъ и стоялъ на сторонѣ князя Московскаго, чѣмъ и содѣйствовалъ рѣшенію борьбы въ пользу Москвы. Но авторы житій не принадлежали къ числу людей, которые были бы чужды этой борьбы; они принадлежали къ одной изъ сторонъ, именно — той же Московской. Въ Москвѣ не хотѣли, чтобы исторія привле-

Макаріемъ въ приложеніяхъ къ IV т. Исторіи; третій извѣстный намъ списокъ — въ сборникѣ XVI вѣка Троицкой Лаврской бібліотеки, № 786 л. 300; указаніе другихъ списковъ см. у *Ключевскаго* въ Древнерусскихъ житіяхъ святыхъ, стр. 75, прим. 2, и у *Барсукова* въ Источникахъ русской агиографіи, col. 447, прибавивъ къ указаннымъ еще списокъ въ синодалн. ркм. № 421. Епископу Прохору усвоится житіе въ спискѣ, напечатанномъ преосв. Макаріемъ и въ нѣкоторыхъ изъ списковъ напечатанныхъ.

¹⁾ Помѣщено въ Стененной книгѣ, — I, 410; читается въ рукописяхъ и въ отдѣльномъ видѣ (см. *преосв. Макарія* Ист. т. IV, прилож. 3, *Восточнаго* Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея и у *Барсукова* *ibid*; намъ извѣстные списки: бывшіе Волоколамскіе — № 195, л. 226. и № 593, л. 226, и Лаврскій Троицкій № 789, л. 51).

ченія церкви къ борьбѣ государственной была извѣстна во всей своей подробности, и отъ того наши житія заключаютъ въ себѣ недосказы и умолчанія и представляютъ нѣкоторые частные случаи, входящіе въ исторію святительства св. Петра, въ такомъ видѣ, что они являются непонятными или даже и совсѣмъ представляютъ собою несообразности. Впрочемъ, по отношенію къ вопросу о привлеченіи церкви къ борьбѣ государственной житія все таки составляютъ для насъ чрезвычайно важный источникъ свѣдѣній, ибо покровъ недосказовъ и умолчанія, который онѣ здѣсь накидываютъ на исторію, легко и съ увѣренностію можетъ быть приподнять.

Житія рассказываютъ, что по смерти митр. Максима нашолся во Владимирской Руси какой-то игумень Геронтій, который, будучи одержимъ педугомъ самовластія и не види никого себѣ возбраняющаго, дерзнулъ дерзостію восхитить санъ святительства, — взялъ съ собою ризницу митрополичью, многія иконы изъ Владимирскаго Успенскаго или каедральнаго митрополичьяго собора, митрополичьихъ сановниковъ и отправился въ Константинополь искать поставленія въ митрополиты Русскіе.

Житія сообщаютъ намъ весьма важное извѣстіе, по только въ такомъ видѣ, что ему не достаетъ качества вѣроподобности.

Чтобы на Руси могъ найдтись лишенный разума игумень, который бы возымѣлъ надежду, что придетъ онъ въ Константинополь къ патріарху, изъявить свое желаніе занять каеэдру Русской митрополи и его поставятъ въ митрополиты, очевидно, есть дѣло совершенно невозможное. Но если бы и нашолся подобный главоболѣющій игумень, то во всякомъ случаѣ намъ ясно дается знать, что не былъ такимъ игуменомъ нашъ Геронтій. Онъ взялъ съ собою ризницу митрополичью, многія иконы изъ Владимирскаго Успенскаго собора и митрополичьихъ сановниковъ: но какъ могъ онъ все это сдѣлать, если бы отправился въ Константинополь самовольно? Положимъ, что ризницу и иконы онъ похитилъ бы, хотя этого не говорится и хотя это было вовсе не легко; но какъ бы онъ, пошедши самовольно, могъ взять съ собой митрополичьихъ сановниковъ? Такимъ образомъ, совершенно ясно, что игумень Геронтій отправился въ Константинополь искать поставленія на каеэдру Русской митрополи, не самовольно, а бывъ посланъ. Кѣмъ

могъ онъ быть посланъ, это также совершенно ясно: онъ не могъ никѣмъ быть посланъ кромѣ тогдашняго Владимирскаго великаго князя. Въ минуту смерти митр. Максима великимъ княземъ Владимирскимъ былъ Тверской удѣльный князь Михайло Ярославичъ, занявшій престолъ великокняжескій въ весьма незадолгое передъ тѣмъ время (Андрей Александровичъ Городецкій, мѣсто котораго занялъ Михайло Ярославичъ, умеръ 22-го Іюня 1304 г., а митр. Максимъ скончался 6-го или 16-го Декабря слѣдующаго 1305 года). Значитъ, онъ — Михайло Ярославичъ и послалъ игумена Геронтія въ Константинополь для поставленія въ митрополиты Русскіе.

Послѣдующее поведеніе Михайла Ярославича по отношенію къ св. Петру заставляеть думать, что, посылая игумена Геронтія въ Константинополь, онъ имѣлъ въ виду не только то, чтобы, поставивъ его въ митрополиты, получить въ его лицѣ митрополита изъ природныхъ Русскихъ, но еще и свои особенныя и личныя цѣли. Именно — представляется необходимымъ думать, что Михайло Ярославичъ, желая поставить въ митрополиты своего кандидата, хотѣлъ въ лицѣ митрополита пріобрѣсти себѣ помощника въ своей борьбѣ съ княземъ Московскимъ, которая началась съ самой минуты занятія имъ великокняжескаго престола, и вмѣстѣ съ тѣмъ помощника въ возвышеніи своего Тверскаго удѣла, къ каковому возвышенію своихъ родовыхъ удѣловъ князя начали тогда стремиться. Какъ далеко простирались при этомъ виды Михайла Ярославича по отношенію къ митрополиту, мы не можемъ сказать, потому что онъ вовсе не имѣлъ возможности обнаружить своихъ видовъ. Не представляется однако вѣроятнымъ принимать, чтобы они простирались до мысли о перенесеніи каѳедры митрополи изъ Владимира въ Тверь, что послѣ сдѣлалъ князь Московскій, ибо эта мысль, какъ увидимъ ниже, иное значила въ приложеніи къ Москвѣ и иное въ приложеніи къ Твери, и со стороны Михайла Ярославича была бы черезчуръ неожиданною, потому что была бы съ его стороны слишкомъ отважною и рѣшительною. Если бы онъ имѣлъ эту мысль, то послалъ бы ставиться въ митрополиты не игумена Геронтія, а своего Тверскаго епископа: иначе слѣдовало бы, что онъ намѣренался удалить епископа съ каѳедры, между тѣмъ

какъ извѣстно, что онъ находился съ послѣднимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Нужно думать, что сейчасъ указанное нами и было причиною, почему житія св. Петра не хотятъ говорить, что игумень Геронтій былъ посланъ въ Константинополь Михайломъ Ярославичемъ. Мысль обратиться къ содѣйствію митрополитовъ въ государственной борьбѣ, которою съ такимъ успѣхомъ воспользовалась Москва, принадлежала собственно Твери, и на Москвѣ могли имѣть нежеланіе, чтобы это было записываемо въ исторію.

Игумень Геронтій, посланный Михайломъ Ярославичемъ въ Константинополь, не былъ тамъ поставленъ въ митрополиты Русскіе.

Одновременно съ тѣмъ, какъ онъ отправился въ Константинополь, былъ посланъ туда изъ Россіи другой кандидатъ, чтобы быть поставленнымъ въ митрополиты не всей Россіи, а только ея части. Это — кандидатъ Галичскаго великаго князя Юрія Львовича, посланный для поставленія въ отдѣльные митрополиты Галичскіе. Выше мы сказали, что въ 1303 г. при митр. Максимѣ Галиціи данъ былъ отдѣльный митрополитъ. Но должно полагать, что митрополитъ этотъ, не долго занимавъ каеэдру, умеръ около одного времени съ Максимомъ и что такимъ образомъ и случилось, что кандидатъ, избранный Михайломъ Ярославичемъ въ митрополиты ~~в~~всей Руси, и кандидатъ, избранный Юріемъ Львовичемъ въ митрополиты Галичскіе, были посланы въ Константинополь для поставленія въ одно и тоже время.

Кандидатомъ Галичскаго великаго князя былъ игумень св. Петръ, и онъ-то вмѣсто того, чтобы быть поставленнымъ въ митрополиты Галичскіе, былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты всей Руси.

Св. Петръ родился неизвѣстно гдѣ въ области Галицко-волинской и неизвѣстно—отъ родителей какого состоянія; но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, можно думать, что онъ былъ отъ родителей состоянія достаточнаго, принадлежавшихъ къ сословію боярскому или купеческому, и что его родину составлялъ либо городъ Львовъ, тогдашняя столица Галиціи, либо городъ Бельзъ, находящійся на сѣверѣ

отъ Львова ¹⁾). Обучившись грамотѣ и всей, какъ говорить авторъ перваго житія, мудрости, Петръ, неизвѣстно какъ называвшійся въ міру, тотчасъ по окончаніи книжнаго ученія, будучи 12-лѣтнимъ мальчикомъ, поступилъ въ монастырь съ тѣмъ, чтобы постричься въ монахи. Послѣ болѣе или менѣе долговременнаго пребыванія въ монастырѣ, при чемъ, по словамъ житія, усердно равновалъ о монашескихъ подвигахъ и при чемъ, желая присоединить къ подвигамъ благочестиво-полезное занятіе, обучился искусству иконописанія въ такой степени, что сталъ „иконникъ чуденъ“, онъ пожелалъ основать собственный монастырь, который и построилъ не слишкомъ далеко на сѣверъ отъ столицы княжества Львова, на рѣкѣ или рѣчкѣ Ратѣ, текущей въ нынѣшней Австрійской восточной Галиціи и впадающей съ лѣвой стороны въ верхній западный Бугъ ²⁾). По словамъ

¹⁾ Св. Петръ построилъ собственный монастырь, изъ чего и можно заключать, что онъ былъ человѣкъ со средствами, слѣдовательно — что былъ родомъ горожанинъ, принадлежавшій по сословію къ боярству или къ кунечеству. Монастырь свой онъ поставилъ въ мѣстности между Львовымъ и Вельзомъ, изъ чего и можно заключать, что онъ родился въ томъ или другомъ изъ этихъ городовъ (Такъ какъ на всякія вышнія церковныя должности обыкновенно ставили монаховъ по происхожденію родовитыхъ, то имѣли бы мы наклонность предполагать, что св. Петръ былъ изъ знатнаго боярскаго семейства; но отъ предположенія удерживаесть насъ авторъ перваго житія, который не дѣлаетъ никакого въ этомъ родѣ намека. — Отца Петрова житія называютъ Осодоромъ, а матери не называютъ по имени; въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ отецъ называется Іаковомъ, а мать Евпраксіей, — у *Восток.* № 359 л. 324 об., стр. 514 col. 2).

²⁾ Монастырь св. Петра, построенный во имя Спаса (Преображенскій) въ настоящее время не существуетъ; на его мѣстѣ стоитъ теперь село, съ приходскою церковію также Спаса, которое носитъ два названія: Дворецъ (Дворцы) и Спаскѣ (Спасское) и которое находится почти на равномъ разстояніи между городами Жолковымъ (Zolkiew, къ округу котораго принадлежитъ) и Вельзомъ (прямо на югъ отъ послѣдняго, въ епархіи Черемышльской, въ деканатѣ или благочиніи Угровскомъ), см. Галичскаго Историческаго Сборника выпускъ III, стр. примѣчаній VII, прим. 6. Зубрицкій въ Критико-историч. повѣсти о червонной Руси, стр. 71 прим., полагаетъ бывшій монастырь св. Петра въ нынѣшнемъ селѣ Верхратѣ, находящемся отъ села Дворецъ не далеко на западъ, неправильно, ибо въ селѣ Верхратѣ приходская церковь во имя св. Георгія (по Шематизму). Авторъ Исторіи Іерархіи, V, 667, ошибочно считаетъ монастыремъ св. Петра монастырь Ратекій Воздвиженскій, находившійся въ сѣверо-западномъ углу Вольпеккой губерніи, на рѣкѣ Ратѣ, впадающей слѣва въ верхнюю Припять.

митр. Кипріяна, въ санѣ игумена своего монастыря св. Петръ такъ прославился своею жизнію, что сталъ извѣстенъ князю и вельможамъ и вообще всей своей странѣ. Эта великая слава Петра, какъ пужно думать, и остановила на немъ выборъ Юрія Львовича, когда князь искалъ кандидата въ митрополиты ¹⁾.

Относительно того, какъ случилось, что въ митрополиты всея Россіи былъ поставленъ не кандидатъ Владимирскаго великаго князя игуменъ Геронтій, а кандидатъ Галичскаго великаго князя игуменъ св. Петръ, авторы житій рассказываютъ, что Геронтій и Петръ, предпринявъ путешествіе въ Константинополь, одновременно сѣли на корабли для переплытія Чернаго моря, но что тогда какъ Петръ весьма благополучно совершилъ переѣздъ черезъ море, Геронтій чудеснымъ образомъ былъ задержанъ на немъ бурей, — что явившись передъ патріарха и находящійся при немъ соборъ митрополитовъ, Петръ былъ признанъ ими достойнымъ сана святительскаго и поставленъ въ митрополиты, — что по времени явился и Геронтій, но что патріархъ, испытавъ его, отказалъ ему въ посвященіи и провозгласилъ Петра митрополитомъ всея Россіи. Смыслъ не совсѣмъ яснаго рассказа какъ будто тотъ, что Петръ, прибывшій въ Константинополь прежде Геронтія, былъ поставленъ въ отдѣльные митрополиты Галиціи, — что Геронтій, прибывшій послѣ Петра, былъ найденъ недостойнымъ посвященія въ санъ митрополита и что патріархъ, отложивъ свою мысль о раздѣленіи Русской митрополіи на двѣ особыя митрополіи, переименовалъ Петра изъ митрополитовъ Галичскихъ въ митрополиты всея Россіи. Если это такъ, то подобное представленіе

¹⁾ Митр. Кипріянъ, представляя дѣло такимъ образомъ, будто Юрій Львовичъ отправилъ Петра въ Константинополь за тѣмъ, чтобы ходатайствовать о первомъ дарованіи Галиціи особаго митрополита или о первомъ отдѣленіи ея въ особую митрополію, увѣрять, будто князь не оказалъ Петру, что именно его самого избираеть кандидатомъ въ митрополиты, а что только въ отправленномъ съ нимъ посланіи къ патріарху и собору тайно отъ него просилъ, чтобы поставленъ былъ въ митрополиты именно онъ. Но такъ какъ Петръ не могъ быть отправленъ въ Константинополь съ указаннымъ порученіемъ (ибо, какъ мы сказали, Галиція уже была отдѣляема въ особую митрополію), то очевидно, что онъ могъ отправиться туда только открытымъ (и вѣдомымъ самому себѣ) кандидатомъ въ митрополиты.

дѣла нельзя признавать совершенно вѣроятнымъ: не находя достойнымъ поставленія въ митрополиты игумена Геронтія и въ тоже время удовлетворяя желанію Владимирскаго великаго князя имѣть своимъ митрополитомъ человека ему угоднаго, патріархъ могъ вмѣсто Геронтія потребовать отъ князя другаго кандидата. Съ гораздо ббльшею вѣроятностію должно думать, что патріархъ, — тотъ же Аѳанасій, который въ 1303 г. далъ Галиціи особаго митрополита, съ перваго раза поставилъ Петра, а не Геронтія, въ митрополиты всея Россіи потому, что въ этотъ разъ, перемѣнивъ по чему либо свои мысли, онъ не хотѣлъ давать Галиціи особаго митрополита. Великій князь Галичскій Юрій Львовичъ, требуя у патріарха особаго митрополита для Галиціи, какъ въ прошлый разъ, такъ и теперешній, конечно, представлялъ ему, что митрополиты, живущіе въ отдаленномъ отъ Галиціи Владимирѣ, не могутъ имѣть надлежащаго пастырскаго попеченія объ его странѣ. Отказывая князю въ особомъ митрополитѣ и ставя въ митрополиты всея Россіи именно кандидата, присланнаго имъ — княземъ, патріархъ могъ отвѣчать ему, что о своей родинѣ Петръ будетъ имѣть надлежащее попеченіе и изъ далекаго Владимира.

Не имѣемъ мы положительныхъ свѣдѣній, но судя по послѣдующему нужно думать, что великій князь Владимирскій Михайло Ярославичъ употребилъ въ Константинополѣ немалыя усилія, чтобы воспрепятствовать поставленію въ митрополиты всея Россіи Петра и чтобы отстоять своего кандидата: отчасти это дастся знать и тѣмъ, что Петръ поставленъ былъ въ митрополиты спустя не мало времени послѣ Максима. Если усилія великаго князя не увѣнчались успѣхомъ, то необходимо принимать, что патріархъ, рѣшивъ отказать Юрію Львовичу въ особомъ митрополитѣ, непременно хотѣлъ удовлетворить его тѣмъ, чтобы поставить въ митрополиты всея Россіи его кандидата ¹⁾.

Въ сейчасъ переданной нами исторіи замѣщенія кафедр митрополичьей послѣ смерти Максима замѣчательнымъ

1) Юрій Львовичъ былъ женатъ на родной сестрѣ Михайла Ярославича (Ипатск. лѣт. подъ 1281 г., — 2 изд. стр. 583, Воскрес. лѣт. подъ 1282 г., — въ Собр. лѣт. VII, 176); но это близкое родство, какъ видно, не послужило къ тому, чтобы послѣдній могъ уладиться съ первымъ.

является то, что вел. кн. Михайло Ярославичъ, вопреки существовавшему порядку ставленія нашихъ митрополитовъ не изъ природныхъ Русскихъ, а изъ Грековъ, обратился въ Константинополь съ просьбою о посвященіи въ митрополиты кандидата, избраннаго имъ самимъ изъ числа природныхъ Русскихъ. Очевидно, что князь пришолъ къ мысли или попалъ на мысль о своей просьбѣ, основываясь на исключеніи, только что передъ тѣмъ допущенномъ самими Греками, которые предоставили Русскимъ избрать своего собственнаго кандидата въ митрополиты непосредственно послѣ нашествія Монголовъ. Мысль обращаться въ Константинополь съ просьбою о посвященіи въ митрополиты кандидатовъ, избранныхъ въ самой Россіи, послѣ Михайла Ярославича была усвоена Русскими. А такимъ образомъ, исключеніе, допущенное самими Греками въ началѣ нашего періода изъ страха передъ Монголами, послужило къ тому, чтобы проложить путь новому порядку избранія нашихъ митрополитовъ.

Св. Петръ былъ поставленъ въ митрополиты всей Руси въ 1308 г., на третій годъ послѣ смерти митр. Максима. Въ томъ же самомъ году онъ возвратился изъ Константинополя въ Россію и прибылъ къ своему старѣйшему столу въ Кіевъ, изъ котораго, какъ необходимо думать, ходилъ для посѣщенія своей родины Галиціи и своего великаго князя Юрія Львовича, если только не сдѣлалъ этого посѣщенія по пути изъ Константинополя въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ 1309 г. онъ явился на свой новый и дѣйствительный столъ во Владимиръ Кляземскій.

Митрополитъ Кирианъ говоритъ, что когда св. Петръ явился въ сѣверной Руси, то „изъ начала человѣческому роду врагъ и ратникъ малу спону святому сотвори и нѣкимъ подпнети не хотѣти того пришествія“. Не смотря на прикровенность рѣчей Кириана, совершенно ясно, кто были эти нѣкоторые, не хотѣвшіе пришествия Петрова, т. е. совершенно ясно, что нежеланіе принять пришедшаго Петра выразилъ вел. кн. Михайло Ярославичъ, который рассчитывалъ видѣть на каѳедрѣ митрополитчѣей имъ самимъ избраннаго кандидата и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и кромѣ котораго и во всякомъ случаѣ никто не могъ выразить своего нежеланія.

„По времени же, — продолжаетъ Кипріянь, — (не хотѣвшіе пришествія Петрова) себѣ зазрѣша и святителя того пріяща (и) съ смиреніемъ тому покоряшася“, т. е. митр. Кипріянь хотеть сказать, что вел. кн. Михайло Ярославичъ, сначала не хотѣвшій было принимать Петра, потомъ примирился съ нимъ и принялъ его съ искреннимъ сердцемъ. По это, какъ видно изъ дальнѣйшаго, вовсе направда: великій князь, сначала не хотѣвшій было принимать Петра, потомъ нашелъ неудобнымъ сдѣлать этого и примирившись съ нежданымъ и нежеланнымъ митрополитомъ притворнымъ образомъ, рѣшился хлопотать у патріарха о законномъ низведеніи его съ кафедръ. Рождается здѣсь вопросъ: почему Михайло Ярославичъ не захотѣлъ примириться съ св. Петромъ искреннимъ образомъ и почему онъ не постарался привлечь его на свою сторону, такъ чтобы Петръ могъ замѣнить ему Геронтія? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ; единственно вѣроятнымъ представляется то, что, когда Петръ ставился въ митрополиты, Михайло Ярославичъ своимъ противоудѣльствіемъ ему до такой степени вооружилъ его противъ себя, что между ними уже невозможно было искреннее примиреніе.

Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ занятія Петромъ кафедръ митрополичьей во Владимирѣ, епископъ Тверской Андрей ¹⁾ отиравилъ на него патріарху доносъ съ какими-то весьма тяжкими противъ него обвиненіями. Митр. Кипріянь выдаетъ поступокъ епископа Андрея за его личное дѣло, утверждая, что онъ рѣшился на него „изумленъ суще о суетнѣй сей славѣ“, т. е. возмимѣвъ желаніе занять вмѣсто Петра столъ митрополчій. Но Кипріянь заставляеть насъ принимать то, принять чего невоз-

¹⁾ Епископъ Андрей былъ родомъ Литвинъ или Литовець, сынъ князя Гердея или Ердея; въ 1266 г. онъ былъ захваченъ въ плѣнъ Довмонтомъ Псковскимъ, также Литовцемъ. Въ епископы Тверскіе онъ былъ поставленъ митр. Максимомъ въ 1290 г. изъ игуменовъ обиднаго монастыря Богородицы (какъ должно думать, того, имъ самимъ построеннаго и находившагося на рѣкѣ Шошѣ (Шени), составляющей правый притокъ Волги, текущей въ Старицкомъ и Тверскомъ уѣздахъ, въ нижней части своей служащей границею послѣдняго отъ Клинскаго уѣзда Московской губерніи, въ которомъ по удаленіи съ кафедръ онъ скончался въ 1323 г.).

можно. Чтобы епископъ Андрей, равно какъ и какой бы то ни было епископъ, рѣшился искать низверженія митрополита помимо великаго князя, это было бы несообразностию, и совершенно ясно, что Андрей дѣйствовалъ не самъ собой, а какъ орудіе великаго князя и вмѣстѣ своего Тверскаго удѣльнаго князя. Очень можетъ быть, что между великимъ княземъ и епископомъ было условлено то, что, въ случаѣ низверженія митрополита, послѣдній займетъ его мѣсто; могло однако этого и не быть, а быть такъ, что епископъ хотѣлъ только содѣйствовать великому князю въ очищеніи мѣста митрополичьяго для другаго его кандидата.

Великій князь и епископъ Андрей, отправивъ патріарху свой доносъ на митрополита, содержали дѣло въ глубокой тайнѣ, такъ что никто не зналъ; „но—говорить Кипріанъ—шептаниѣ Андреево не утаися пресвященному святителю Петру“, и этимъ даетъ знать, что послѣдній не былъ изъ числа людей, которыхъ можно застигнуть въ раслохъ. Обвиненія, взведенныя великимъ княземъ и епископомъ на митрополита, были такъ тяжки, что патріархъ, — тотъ же Аванасій, который поставилъ Петра въ митрополиты, — немедленно прислалъ въ Россію своего клирика или своего патріаршаго чиновника для соборнаго изслѣдованія дѣла. Патріаршій клирикъ, прибывъ въ Россію, созвалъ соборъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, что было въ 1310 году или въ началѣ 1311 года ¹⁾. Соборъ созванъ былъ не въ стольномъ городѣ великаго князя и вмѣстѣ митрополита—Владимирѣ и не въ стольно-удѣльномъ городѣ великаго князя Твери, а въ пригородѣ Московскаго удѣла Переяславлѣ, нѣтъ сомнѣнія, потому, что ни ту, ни другую столицу великаго князя не желалъ видѣть его мѣстомъ митрополитъ: въ своихъ столицахъ великій князь имѣлъ бы большее удобство составить и вести соборъ такимъ образомъ, чтобы онъ оказался пристрастно-враждебнымъ митрополиту, а этого, конечно, вовсе не могъ желать послѣдній. Созван-

¹⁾ Патріархъ Аванасій, приславшій клирика для суда надъ митрополитомъ, удался съ престола въ концѣ 1310 или въ началѣ 1311 года; епископъ Ростовскій Прохоръ, присутствовавшій на соборѣ въ званіи игумена Ярославскаго Спасскаго монастыря, поставленъ Петромъ въ епископы въ 1311 г. (по не особенно надежному показанію такъ называемой Тверской лѣтописи Прохоръ поставленъ 21 Марта 1311 г.).

ный соборъ представлялъ изъ себя не церковный соборъ въ собственномъ смыслѣ, но церковный и вмѣстѣ свѣтскій или земскій. Что касается до духовныхъ, то на немъ присутствовали два епископа, — обвинитель митрополита Андрей Тверской и еще Симеонъ Ростовскій, лучшіе изъ игуменовъ и монаховъ и священниковъ множество; изъ свѣтскихъ присутствовало князей довольно и вельможъ множество. Самъ великій князь Михайло Ярославичъ не былъ на соборѣ, ибо находился въ Ордѣ. Вмѣсто него пришли на соборъ два его сына — Дмитрій и Александръ Михайловичи; впрочемъ, такъ какъ они были еще дѣти, имѣвшіе — первый 11, а второй 9 лѣтъ, то поддерживать обвиненіе противъ митрополита было поручено великимъ княземъ, конечно, не имъ, а сопровождавшимъ ихъ боярамъ. Какъ происходилъ соборъ, мы не знаемъ. Но, во первыхъ, онъ былъ крайне бурный: „толпка молва бысть, — говоритъ митр. Кипріанъ, — яко малѣ не безмѣстно что бысть“, т. е. что между свѣтскими сторонниками великаго князя и митрополита дѣло едва не дошло до оружія. Вовторыхъ, онъ кончился совершеннымъ оправданіемъ митрополита или совершеннымъ обнаруженіемъ его невинности.

Въ чемъ именно обвиненъ былъ св. Петръ отъ великаго князя и отъ его епископа передъ патріархомъ и въ чемъ онъ судимъ былъ на соборѣ, объ этомъ житія Петра совершенно молчатъ и это составляетъ загадку. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что возведены были какія-то обвиненія очень тяжкія: ибо, во первыхъ, патріархъ въ своемъ письмѣ къ митрополиту, присланномъ съ клирикомъ, прямо говоритъ ему: „се придоша отъ вашего языка словеса тяжка на твою святыню“; вовторыхъ, на тяжесть обвиненій указываетъ и немедленный присылъ патріархомъ своего клирика для соборнаго разбирательства дѣла. Съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что митрополитъ вовсе не былъ виновенъ въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ: если бы онъ былъ виновенъ, то великій князь, т. е. представители и сторонники послѣдняго, присутствовавшіе на соборѣ, конечно, не дозволили бы ему оправдаться. Къ этому присоединяется и еще недоумѣнное обстоятельство. Епископъ Андрей взвелъ на митрополита передъ патріархомъ тяжкія обвиненія, которыя оказались вовсе неспра-

ведливими; слѣдовательно, онъ взвелъ на митрополита тяжкую клевету. Однако послѣ собора Переяславскаго, на которомъ обнаружена несправедливость его обвиненій, онъ не былъ удаленъ съ кафедръ и не подвергся всеобщему презрѣнью, что имѣло бы послѣдовать съ нимъ, если бы онъ былъ тяжкій клеветникъ; кафедру, правда, опъ потомъ оставилъ, по снустя уже пять лѣтъ послѣ собора и очевидно—не въ слѣдствіе его, а что касается до репутаціи, то подъ 1321 г. мы находимъ въ лѣтописяхъ указаніе, дающее знать, что онъ оставался человѣкомъ всеми уважаемымъ ¹⁾). Мудреная загадка эта разъяснится для насъ возможно удовлетворительнымъ образомъ, если мы примемъ, что епископъ Андрей обвинялъ митрополита передъ патриархомъ въ томъ, въ чемъ снустя нѣсколько времени послѣ собора снова обвинялъ перваго передъ послѣднимъ самъ великій князь Михайло Ярославичъ отъ своего лица, именно—во взиманіи мзды за поставленіе въ церковныя степени или въ симоніи. Излагая дѣянія Владимирскаго собора 1273 г., мы говорили, что къ намъ въ Россію порошелъ изъ Греціи обычай, чтобы епископы взимали плату за поставленіе въ церковныя степени, — что наши епископы, въ слѣдъ за Греческими, позволяли себѣ съ платою злоупотребленія и что это обстоятельство заставило митр. Кирилла сдѣлать на соборѣ предписаніе, чтобы на будущее время епископами не было взимаемо болѣе того, сколько въ Греціи было установлено указами императорскими. Не имѣемъ мы свѣдѣній, удалось ли митр. Кириллу достигнуть той цѣли, чтобы остановить на будущее время злоупотребленія епископовъ; но онъ достигъ другой цѣли, которой не имѣлъ въ виду. Его нарочитыя рѣчи о платѣ за поставленіе въ церковныя степени привлекли къ послѣдней вниманіе людей свободномыслящихъ, употребляя это слово въ лучшемъ его значеніи, и люди эти нашли, что не только противузаконно злоупотребленіе взиманіемъ платы, по что незаконна и она сама. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и первой причиной непредвидѣннаго митр. Кирилломъ результата, къ которому

¹⁾ Въ этомъ году Дмитрій Михайловичъ Тверской, сынъ Михайла Ярославича, обращался къ его посредству для заключенія мира съ Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ.

пришли люди свободномысляціе, былъ онъ же самъ съ своимъ соборнымъ правиломъ о взиманіи платы. Въ своемъ правилѣ митрополитъ сначала ведетъ пространныя и горячія рѣчи о томъ, что не должно брать мзды за поставленіе, съ выписками о семъ изъ соборныхъ правилъ, при чемъ вовсе не поясняетъ, что разумѣеть подъ мздою не вообще взиманіе, а взиманіе лишняго, незаконнаго, а потомъ вдругъ предписываетъ: „не взимати же у нихъ (поставляемыхъ въ церковныя степені) ничтоже, развѣ (должнаго): якоже азъ уставихъ въ митрополіи, да будетъ се во всѣхъ епископствѣхъ, — да възмутъ клирошане (епископскіе) 7 гривень отъ поповства и дьяконства, — отъ обоего“, при чемъ въ свою очередь вовсе не говоритъ прямо, какъ это было на самомъ дѣлѣ, что его предписаніе составляло подтвержденіе узаконеннаго императорами греческими. Такъ какъ указы императоровъ греческихъ, опредѣлившіе размѣры платы за поставленіе, у насъ не были извѣстны, то всякому читавшему правило Кирилла легко можно было подумать, что именно онъ самъ впервые вводитъ и узаконяетъ плату за поставленіе; а поелику онъ узаконяетъ ее послѣ своихъ же пространныхъ и настоятельныхъ рѣчей противъ взиманія мзды за поставленіе, то люди свободномысляціе легко могли придти къ тому заключенію, что митрополитъ вопреки собѣ узаконяетъ иѣчто вовсе незаконно. Разъ увлеченные въ критику узаконеннаго взиманія платы за поставленіе и наводя обстоятельныя справки въ канонахъ, люди эти легко могли простереться далѣе и до того, чтобы признать плату незаконною и не смотря на узаконеніе ея со стороны императоровъ греческихъ, ибо она дѣйствительно была противна канонамъ (Василія Великаго правило 90-е, посланія патріарховъ Геннадія и Тарасія). Такіе свободномысляціе люди нашлись у насъ въ правленіе вел. кн. Михайла Ярославича и имѣемъ мы прямыя указанія, что именно къ такимъ свободномыслящимъ людямъ принадлежалъ епископъ Тверской Андрей. Если мы примемъ это послѣднее за положительный фактъ и если мы будемъ при этомъ представлять себѣ епископа Андрея такимъ свободномыслящимъ человекомъ, который не зналъ, что извѣстныхъ размѣровъ плата за поставленіе существуетъ въ Греціи, какъ нѣчто законное, и который производилъ ея начало у насъ отъ

митр. Кирилла, тогда объяснится для насъ все дѣло по обвиненію имъ митрополита передъ патріархомъ. Когда епископъ Тверской увидѣлъ, что новоприбывшій митрополитъ вѣзметъ за поставленія узаконенную плату, онъ нашолъ, что митрополитъ вѣзметъ мзду и, служа великому князю, который желалъ имѣть поводы свергнуть митрополита съ престола, сдѣлалъ на него доносъ въ Константинополь патріарху ¹⁾. Этотъ послѣдній понялъ доносъ въ томъ смыслѣ, что митрополитъ дѣйствительно вѣзметъ мзду, т. е. что онъ не только вѣзметъ узаконенную плату, но и позволяетъ себѣ брать сверхъ узаконеннаго, — и поспѣшилъ отправить въ Россію своего клирика для изслѣдованія дѣла. Прибывшій клирикъ нашолъ, что митрополитъ вѣзметъ только узаконенную плату; слѣдовательно, вмѣстѣ съ этимъ нашолъ, что митрополитъ невиновенъ въ возведенномъ на него обвиненіи. При этомъ и епископъ Андрей оказался не тяжкимъ клеветникомъ, а только человѣкомъ, который относительно одного предмета, — этой узаконенной платы за поставленія, имѣлъ свой собственный взглядъ. При такомъ представленіи дѣла для насъ станетъ понятнымъ и страннымъ составъ духовной стороны собора. Изъ епископовъ присутствовалъ на немъ кромѣ Андрея, имѣвшаго обвинять митрополита, и всего только одинъ, а напротивъ было призвано на него множество священниковъ. Такъ какъ епископы представляли собой сторону, берущую плату, а священники — сторону дающую, то и совершенно понятно, почему великій князь распорядился такъ, чтобы на соборѣ было какъ можно менѣе епископовъ и какъ можно болѣе священниковъ: епископы должныствовали быть за митрополита, а священники противъ него ²⁾. Мы сказали

¹⁾ Прежде Петра Андрей видѣлъ, какъ вѣзметъ плату за поставленія рукоположившій его въ епископы митр. Максимъ. Должно думать, что на вѣзманіе платы и смѣхъ послѣднимъ Андрей точно также смотрѣлъ какъ на дѣло незаконное; а если не доносилъ патріарху, такъ потому, что не имѣлъ личныхъ къ нему поводовъ.

²⁾ Единственный послѣ самого Андрея присутствовавшій на соборѣ епископъ Ростовскій Симсонъ въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ него, въ 1311 г., оставилъ кафедру. Можно думать, что онъ былъ однихъ мыслей съ епископомъ Тверскимъ, что по этой причинѣ онъ одинъ изъ всѣхъ епископовъ попалъ на соборъ и что, заявивъ себя на немъ врагомъ

выше, что имѣемъ положительныя указанія относительно принадлежности епископа Андрея къ тѣмъ свободномыслящимъ людямъ, которые смотрѣли на узаконенную плату за поставленія какъ на незаконную мзду. До настоящаго времени сохранилось посланіе нѣкоего Тверскаго монаха Акиндина къ вел. кн. Михайлу Ярославичу, въ которомъ великій князь убѣждается искоренить въ Русской церкви ересь мздоиманія святителей, при чемъ подъ мздоиманіемъ разумѣется взиманіе узаконенной платы за поставленія ¹⁾. Въ подтвержденіе своихъ словъ о незаконности взиманія платы Акиндинъ ссылается на то, что онъ былъ посланъ своимъ епископомъ въ Константинополь къ вселенскому патриарху Нифонту и что будто патриархъ съ соборомъ отвѣчалъ ему на его вопросъ относительно взиманія платы, что совершенно незаконно какое бы то ни было взиманіе. Патриархъ Нифонтъ, пресмникъ Аоанасіевъ, занималъ кафедру съ 1312 года по 1315-й, и посланіе къ нему епископомъ Андреемъ своего монаха ²⁾, очевидно, значить то, что епископъ, удивленный судомъ патриаршаго клирика, который не нашелъ митрополита, взимавшаго плату за поставленія, виновнымъ во взиманіи мзды, послалъ въ Константинополь своего человѣка, чтобы обстоятельно разузнать, какъ тамъ смотрятъ на плату и на мзду ³⁾.

Переяславскій соборъ, какъ мы сказали, имѣлъ мѣсто въ 1310 году или въ началѣ 1311 года.

митрополита, онъ и принужденъ былъ оставить кафедру, когда судъ соборный кончился для послѣдняго оправданіемъ (Если не случилось подобнаго и съ Андреемъ, то, нужно думать, потому, что его великій князь защищалъ уже самымъ рѣшительнымъ образомъ).

1) Посланіе напечатано въ Православн. Собесѣдникѣ 1867 г., ч. II стр. 246, и въ Памятникахъ каноническаго права *Павлова*, col. 150.

2) Въ надписаніи посланія Акиндинъ называется мнихомъ лавры святыя Богородицы. Съ вѣроятностію можно думать, что онъ былъ изъ собственнаго Андреева монастыря.

3) Татищевъ сообщаетъ о соборѣ Переяславскомъ подъ 1313 г. (IV, 92) слѣдующее неожиданное: „Того же лѣта явися въ Новгородѣ еретикъ протопопъ Новгородскій, къ нему же присташа мнози отъ причета церковнаго и міряня, и епископъ Тверскій Андрей помогаше има, глаголя: се яко рай на земли погиге, и святыи ангельскій монашескій чинъ ругаху, безбожнымъ ученіемъ бѣсовскимъ именовану, и мнози отъ инокъ, изшедше (изъ монастырей) оженихуся; преосвященный же митрополитъ Петръ

Житія св. Петра не говорятъ, чтобы вел. кн. Михайло Ярославичъ послѣ первой неудачной попытки удалить митрополита съ кафедръ дѣлалъ и еще попытки достигнуть того же. Изъ другого источника мы знаемъ, что великій князь сдѣлалъ еще одну подобную попытку, имѣвшую мѣсто въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ собора Переяславскаго или иначе сказать — въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ первой попытки.

Михайло Ярославичъ послѣ смерти митр. Максима послалъ въ Константинополь для поставленія въ митрополиты своего кандидата—игумена Геронтія съ тою цѣлю, чтобы въ лицѣ митрополита пріобрѣсти себѣ сильнаго помощника въ своей государственной борьбѣ съ княземъ Московскимъ и въ своемъ стремленіи къ возвышенію своего родоваго

созва въ Переяславѣ соборъ велий: быша ту вси и епископы и игумены, попы, діаконы и чернецы и отъ патриарха Анастасія клирикъ ученый, и многу пренію бывшу егда преосвященный Петръ митрополитъ Кіевскій и всея Россіи отъ божественнаго Писанія и помощію и заступленіемъ князя Ивана Даниловича преодолѣ проклятаго еретика, а самъ иде поградѣхъ, поучая право вѣрити и укроти молву, а смущеніе діавольское прогна“. Татищевъ имѣлъ у себя подъ руками такой списокъ перваго житія св. Петра, принадлежащаго неизвѣстному, въ которомъ послѣ разсказа о соборѣ Переяславскомъ читалось, какъ это читается въ нѣкоторыхъ теперь извѣстныхъ спискахъ: „и се тако еретика препрѣ, пріѣхавши на прю, и прокля и“ вмѣсто: „и Свѣта еретика препре,“... и отнесъ эти слова, говоряща обѣ еретикѣ, не имѣюдемъ никакого отношенія къ собору Переяславскому и явившемся позднѣе (см. о немъ ниже), къ сему послѣднему. Но такъ какъ Татищевъ читалъ въ житіи, что епископа Андрея св. Петрѣ не проклиналъ, а простилъ, то значило, что еретикъ былъ не онъ, а другой; этого другаго Татищевъ и сочиняетъ въ лицѣ протопона Новгородскаго, придавая епископу Андрею роль только помогающаго. Почему—протопона, не можемъ сказать, а Новгородскаго, можетъ быть, потому, что въ Новгородѣ спустя не особенно много времени послѣ собора Переяславскаго явилась секта Стригольниковъ. Что касается до того, откуда беретъ Татищевъ ереси, то источникъ первой ереси ясенъ: въ Твери вскорѣ послѣ епископа Андрея была распря о томъ, погибъ или не погибъ вещественный рай и епископъ Тверской Феодоръ держался того мнѣнія, что онъ погибъ (послание о раѣ архіепископа Новгородскаго Василія, † 1352, къ епископу Тверскому Феодору, въ Софійск. 1-й и Воскресен. лѣт. подъ 1347 г., въ Стенн. кн. I, 480); относительно источника второй ереси, не имѣющей съ первою никакой логической связи и даже болѣе того, ничего не можемъ сказать (о возможномъ нѣкоторомъ источникѣ рѣчей Татищева обѣ ересяхъ см. ниже).

Тверскаго удѣла. вмѣсто Геронтія ему былъ присланъ въ митрополиты другой, котораго онъ встрѣтилъ враждебно и котораго онъ тотчасъ же попытался было удалить къ каеодры, чтобы замѣнить его новымъ своимъ кандидатомъ. Совершенно естественно, что этотъ другой — св. Петръ, будучи встрѣченъ подобнымъ образомъ отъ великаго князя, долженъ былъ обратиться къ сторонѣ ему враждебной, т. е. къ князю Московскому. Если Михайлу Ярославичу принадлежала мысль воспользоваться митрополитомъ, какъ помощникомъ, въ своей борьбѣ съ княземъ Московскимъ, то этому послѣднему — Юрію Даниловичу не трудно было понять всю важность мысли, тѣмъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ, нисколько не отстававшій въ способности пониманія отъ Михайла Ярославича. Великій князь встрѣтилъ прибывшаго митрополита, какъ врага: понятно, что Московскій князь долженъ былъ поспѣшить сойтись съ нимъ, какъ съ другомъ. Такъ это дѣйствительно и случилось. На соборѣ Переяславскомъ новопривышій митрополитъ имѣлъ между свѣтскими, присутствовавшими на немъ, людьми многочисленную партію своихъ сторонниковъ, у которыхъ съ партіей сторонниковъ великаго князя чуть не дошло дѣло до оружія. Несомнѣнно, что предводителемъ этой партіи былъ князь Московскій, въ пригородѣ котораго созванъ былъ соборъ. Такимъ образомъ, Михайло Ярославичъ, посылавшій игумена Геронтія въ Константинополь ставиться въ митрополиты и получившій вмѣсто него Петра, достигъ не того, чтобы пріобрѣсти собѣ въ митрополитѣ помощника въ борьбѣ съ врагомъ, а того, чтобы напротивъ врагу доставить въ немъ помощника въ борьбѣ противъ себя. Понятно, что съ такимъ положеніемъ дѣла Михайло Ярославичъ не могъ мириться и что желаніе удалить митрополита съ каеодры должно было составить самое настоятельное его желаніе.

Сохранилось до настоящаго времени посланіе къ Михайлу Ярославичу Константинопольскаго патріарха Нифонта, о которомъ упоминали мы сейчасъ выше ¹⁾. Изъ этого-то посланія и узнаемъ мы, что великій князь въ непродолжительномъ времени послѣ собора Переяславскаго дѣлалъ

¹⁾ Посланіе напечатано и переиздано тамъ же, гдѣ посланіе къ тому же Михайлу Ярославичу монаха Акиндина.

вторичную попытку низвергнуть митрополита. Посланіе патріарха представляетъ собою отвѣтъ на посланіе къ нему великаго князя. Изъ него оказывается, что великій князь въ своемъ посланіи къ патріарху возводилъ вины на митрополита и требовалъ суда надъ нимъ. Относительно вины дается знать, что митрополитъ былъ обвиняемъ княземъ во многихъ противозаконныхъ дѣлахъ; въ частности указываются двѣ вины: во первыхъ, что митрополитъ дозволилъ вѣнчаніе браковъ въ незаконныхъ степеняхъ родства, во вторыхъ—что онъ мзды ималъ отъ ставленія. Что касается до суда, то, какъ кажется, великій князь, имѣя въ виду Московскую партію защитниковъ митрополита, просилъ, чтобы онъ произведенъ былъ не въ Россіи, а въ Константинополѣ; относительно сего патріархъ пишетъ Михайлу Ярославичу: „пишемъ княженію твоему и власти твоей: если захочетъ (митрополитъ) придти сюда и дать отвѣтъ,—хорошо; а если не захочетъ (придти сюда) по доброй волѣ, то силой пришли его, а (съ нимъ пришли и тѣхъ) кто знаетъ вины его и свидѣтелей; когда придетъ митрополитъ, то, въ случаѣ, если оправдается, онъ (да останется митрополитомъ), въ противномъ случаѣ поставимъ другаго, кого захочетъ твое боголюбіе,—человѣка засвидѣтельствованнаго добрыми дѣлами отъ всѣхъ людей“. Въмѣстѣ съ обвиненіями на митрополита великій князь просилъ патріарха, чтобы этотъ прислалъ ему „уставъ и законъ“; о чемъ уставъ и законъ, не говорится, но вѣроятно—о тѣхъ пунктахъ, которые въ дальнюю минуту составляли въ Россіи предметъ споровъ и сомнѣній, и по преимуществу, какъ нужно думать, о взиманіи платы за поставленія. Относительно этого взиманія платы соборъ Переяславскій, по видимому, долженъ былъ убѣдить великаго князя, что оно не можетъ служить пунктомъ обвиненія противъ митрополита, такъ какъ, бывъ прежде обвиняемъ въ томъ же, онъ былъ на соборѣ оправданъ. Но должно думать, что касательно взглядовъ Константинопольскихъ на плату великій князь введенъ былъ въ заблужденіе. Мы сказали выше, что тотчасъ послѣ собора Переяславскаго епископъ Андрей посылалъ въ Константинополь одного монаха разузнать, какъ тамъ смотрятъ на плату за поставленія. Этотъ монахъ, ходившій въ Константинополь, увѣряетъ Михайла Ярославича въ своемъ

послани къ нему-князю, что онъ спрашивалъ въ Константинополь соборъ патріаршій, на которомъ вмѣстѣ съ патріархомъ Константинопольскимъ присутствовалъ еще патріархъ Іерусалимскій и который состоялъ изъ 36-ти митрополитовъ, и что будто бы получилъ отвѣтъ: „аще и до половины пернера (шперпира, — золотой византійской монеты въ 5 рублей) или ино мало что (возьметъ ставящій отъ ставимаго), село крови пароче и корчму, со Іудю равни суть и не имуть части съ Христомъ ни здѣ ни въ будущемъ вѣцѣ“. Очеь можетъ быть; что монаху и дѣйствительно данъ былъ въ Константинополь такой отвѣтъ; но онъ былъ данъ ему, такъ сказать, софистическимъ образомъ. Въ Константинополь сознавали, что плата за поставленія есть дѣло незаконное, ибо она слишкомъ ясно противорѣчила канонамъ церковнымъ; поэтому тамъ придумали называть ее не платой за поставленія, а проторями или издержками при поставленіяхъ. На вопросъ: позволительна ли плата за поставленія въ Константинополь отвѣчали, что она незаконна и прѣзаконна, по кри этомъ подразумевалась, что позволительно и законно взиманіе проторей. Основываясь на донесеніи своего монаха, Михайло Ярославичъ могъ занодозрять, что клирикъ патр. Аванасія, прѣѣзжавшій въ Россію судить митрополита, судилъ неправо, а поэтому и могъ во второй разъ обвинять митрополита передъ патріархомъ въ томъ же взиманіи платы за поставленія. Какую дальнѣйшую исторію имѣла эта вторичная попытка великаго князя, остается неизвѣстнымъ. Такъ какъ патр. Нифонтъ, папхудшій изъ патріарховъ Константинопольскихъ даннаго времени, при всякихъ дурныхъ своихъ качествахъ, былъ человекъ до крайней степени сребролюбивый, за что и извергнутъ былъ съ престола ¹⁾, то Михайлу Ярославичу, по видимому, возможно было достигнуть своего желанія съ помощью подкуна. Если этого не случилось, то, можетъ быть, потому, что онъ началъ свою вторичную попытку въ послѣднее время непродолжительнаго сидѣнія Нифонтова на патріаршей кафедрѣ, такъ что патріархъ не успѣлъ исполнить желанія князя.

¹⁾ См. о немъ въ исторіи Никифора Григоры и въ нарочитомъ обличительномъ словѣ противъ него Никифора Хумна, напечатанномъ въ Анскдотахъ Буассонада, V, 255.

Несомнѣнно, что великій князь и митрополитъ оставались врагами и въ послѣдующее время, до самой смерти перваго изъ нихъ въ 1318 г. Но предпринималъ ли князь и еще попытки избавиться отъ митрополита, остается намъ неизвѣстнымъ ¹⁾.

Св. Петръ управлялъ Русскою церковію въ продолженіе 18-ти лѣтъ съ половиной, съ 1308-го года по конецъ 1326-го года²⁾.

Лѣтописи совершенно ничего не говорятъ объ его церковно-правительственной дѣятельности. Житія говорятъ о ней, но въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ. Неизвѣстный авторъ перваго житія, дошедъ въ своемъ разказѣ до возвращенія св. Петра въ Россію изъ Константинополя съ поставленія, пишетъ о немъ: „и пришедъ въ свою митрополию и нача учити заблужшаа крестьяны, ослабѣвшаа пужа ради поганныхъ иновѣрць, протолкуи евангельская писанія и апостольская, якоже Великій Василей, Иоанъ Златоустый, Григорей, та ученя излагаа и къ сему свое смиреніе являя и тѣмъ утвержая истинную вѣру во крестьянѣхъ, преходя Волинскую землю и Кіевскую и Суздальскую землю, уча вездѣ вся“. Сказавъ о соборѣ Переяславскомъ, который копчился оправданіемъ св. Петра, тотъ же авторъ далѣе продолжаетъ: „святый же святитель паче нача учити не токмо по градомъ, но по всѣмъ (весьмъ), вся въ странахъ (страны?) и вся мѣста преходя, ни труда бо себѣ имѣя, но некійся о стадѣ Христовѣ словесныхъ овецъ“. Сказавъ потомъ о препреліи св. Петромъ одного еретика, о чемъ ниже, нашъ авторъ еще присовокупляетъ: „святый же болѣ подвигъ подъя, --- пощеніе и милостивой милостыни, утвержая цркви, како водити стада Христовыхъ овецъ словеснаго стада, и черноризецъ и черноризици“.

1) Епископъ Андрей оставилъ кафедру, чтобы удалиться въ основанный имъ монастырь, въ 1315 г. Очень можетъ быть, что онъ принужденъ былъ къ этому враждой съ митрополитомъ, послѣ неудачныхъ попытокъ низвергнуть послѣдняго.

2) Что въ продолженіи 18-ти лѣтъ съ половиной, это говорится въ надписаніи житія неизвѣснаго по нѣкоторымъ спискамъ (напр. Троицкому Лаврскому, см. печатное Описаніе), а изъ житія или поэмно и его въ лѣтописяхъ, -- Никон. лѣт. III, 131, также въ синаксарѣ или святцахъ Слѣдовавшей псалтири митр. Кириана. - рки. Моск. дух. Акад. № 142 (21 Декабри).

Митр. Кипріявъ съ своей стороны не сполна воспроизводитъ сейчасъ приведенное и по прибавляетъ отъ себя ничего новаго. Въ нашихъ общихъ отзывахъ положительную характеристическую черту дѣятельности составляетъ то, что св. Петръ, подобно двумъ своимъ послѣдмонгольскимъ предшественникамъ, предпринималъ путешествія по всей своей митрополіи для личнаго ея дозиранія и устроенія.

Одинъ сохранившійся до настоящаго времени письменный памятникъ дѣятельности св. Петра, — его поучительное посланіе къ священникамъ и мірянамъ ¹⁾, даетъ видѣть въ немъ перваго вводителя существовавшаго въ нашей церкви особаго законоположенія относительно вдовыхъ священниковъ, именно — чтобы священники эти, если желаютъ сохранить священство, шли въ монастыри, а если хотятъ оставаться въ міру, то не пѣли бы, т. е. слагали съ себя священство. Законоположеніе нисколько не основывалось на канонахъ церковныхъ и собственно говоря противорѣчило имъ, ибо каноны, не взимаясь на Господне и апостольское, что дѣство выше супружества, не требуютъ непременно, чтобы священники имѣли женъ, а только пустили имъ имѣть ихъ (Трульск. соб. пр. 13): но оно, какъ должно думать, было вызвано настоятельными требованіями пользы церкви. Т. е. необходимо думать, что вдовые священники въ столь значительномъ большинствѣ своемъ вели зазорную жизнь, что законоположеніе объ ихъ удаленіи изъ міра или о сложеніи ими съ себя священства, представлялось единственнымъ средствомъ избавить общество церкви отъ соблазна, который они причиняли собою. Подлинныя слова предписанія митрополита относительно вдовыхъ священниковъ суть слѣдующія: „аще у пона умреть жена, да идетъ въ монастырь, (и тогда) имѣеть священство свое; аще иметь въ слабости пребывати и любити мірскыи сласти, да не постъ; аще не послушаетъ моего словеси, да будетъ неблагословенъ, (а также) и тѣи, иже приобщаются съ нимъ“. Свое предписаніе въ посланіи митрополитъ предваряетъ замѣчаніемъ, что уже многожды онъ писалъ о семъ вдовымъ священникамъ, и этимъ даетъ знать — во первыхъ, что онъ встрѣчалъ своему новому закону сопро-

¹⁾ Напечатано въ памятникахъ *Павлова*, № 17, col. 159.

тивленіе, а во вторыхъ — что онъ вводилъ его съ большою настойчивостію.

Въ началѣ разбираемаго посланія (послѣ приступа) св. Петръ говоритъ: „многажды писахъ вамъ священникомъ и мнихомъ, како пребывати“, и симъ даетъ знать, что имъ было написано то или другое значительное количество учительныхъ посланій. Въ настоящее время извѣстно этихъ посланій и всего три, при чемъ еще подлинность одного изъ трехъ составляетъ первѣшенный вопросъ.

Все содержаніе посланія, въ которомъ читается предписаніе относительно вдовыхъ священниковъ, или перваго сохранившагося, есть слѣдующее: послѣ приступа, въ которомъ о томъ, что одинаково необходимы какъ правая вѣра, такъ и добрыя дѣла, — общее увѣщаніе къ священникамъ, чтобы достойно проходили пастырское служеніе и усердно пасли своихъ духовныхъ овецъ; частныя увѣщанія къ нимъ же: чтобы налагали должныя епитиміи на кающихся и не дѣлали снисхожденія ради „взятія“ т. е. подарковъ, — чтобы запрещали троюженцевъ и четвероженцевъ, имѣющихъ невѣщальныхъ жепъ, — чтобы воздерживались отъ пьянства; увѣщаніе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ о томъ, чтобы имѣли въ себѣ страхъ Божій, прибѣгали въ церковь и приносили отъ имѣнія даръ Богу, чтобы любили и чтили священниковъ и монаховъ, милостили убогихъ, вдовицъ, сиротъ, плѣнныхъ и находящихся въ темницахъ. По своему объему посланіе не обширно и все сейчасъ переданное нами излагается въ немъ кратко, въ видѣ отрывочныхъ предписаній и наставленій.

Второе учительное посланіе св. Петра, имѣющее надписаніе: „поученіе (дѣтемъ моимъ) игуменомъ и попомъ и дьякономъ“ ¹⁾, содержитъ общія наставленія священникамъ, чтобы они старались быть истинными пастырями, а не наемщиками, и чтобы они заботились объ украшеніи себя христіанскими и пастырскими добродѣтелями. По своему объему также не обширно ²⁾.

¹⁾ Напечатано въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ за 1844 годъ. Слова надписанія, поставленныя въ скобахъ, изъ ркн. Волокол. монастыря, нынѣ библиотеки Моск. Дух. Акад., № 566.

²⁾ Въ сейчасъ поманутой Волоколамской рукописи присоединено къ нашему посланію какъ его вторая часть или слито съ нимъ въ одно цѣлое, — л. 387 об. fin., посланіе какого-то пресвитера къ какому-то святителю

Третье посланіе, усвоемое св. Петру, будучи адресуемо къ епископамъ, священникамъ, архимандритамъ, игуменамъ и діаконамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ ¹⁾, состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части—наставленія и предписанія священникамъ относительно ихъ собственнаго поведенія ²⁾ и относительно ихъ пастырскихъ обязанностей ³⁾, а также отчасти предписанія монахамъ ⁴⁾; во второй части—увѣщанія къ мирянамъ относительно ихъ христіанскихъ обязанностей и обличенія къ нимъ по поводу неисполненія этихъ обязанностей ⁵⁾. Такъ какъ первая часть посланія представляется тождественною съ однимъ посланіемъ митр. Фотія (съ небольшими разностями—отчасти съ лишками, отчасти съ опущеніями) ⁶⁾: то могутъ быть

написанное вълѣдствіе повелѣнія послѣднѣго (л. 388 нач.), именно,—какъ слѣдуетъ понимать, вълѣдствіе выраженаго послѣднимъ желанія получить отъ пресвитера его писаніе. Можетъ быть, что святитель есть св. Петръ (въ его паствѣ князи и власти, — л. 389). Ципушій выражаетъ тому, къ кому пишетъ, свои усердныя желанія, чтобы онъ добръ упасъ порученную ему Богомъ паству.

¹⁾ Налочатано въ Памятникахъ *Куликова-Безбородко*, IV, 186 (о немъ у *Филарета* въ Обзорѣ § 65).

²⁾ Воздерживаться отъ пьянства и убѣгать лишнихъ пировъ во всякое время, а особенно въ постъ; не пить до объѣда; не заниматься торговлю и ростовщичествомъ.

³⁾ Учить мирянъ, чтобы приходили къ церкви, честно держали постъ и причащались ежегодно святыхъ тайнъ,—чтобы воздерживались отъ блуда, почитали духовныхъ отцовъ и плотскихъ родителей, не бѣли въ пирахъ до объѣда, воздерживались отъ сквернословія, бѣгали всякаго колдовства, не звались на такъ называемое „поле“; разлучать троеженцевъ и позволять вступленію въ третій бракъ только очень молодымъ людямъ, у которыхъ не будетъ дѣтей; крещеніе творить не чрезъ обливаніе, а чрезъ троекратное погруженіе, и допускать при немъ только по одному куму или одной кумѣ, смотря по тому, какого пола младенецъ.

⁴⁾ Не торговать и не заниматься ростовщичествомъ; не жить монахамъ и монахинямъ въ однихъ и тѣхъ-же монастыряхъ.

⁵⁾ Увѣщанія: чтить духовныхъ отцовъ и вообще священниковъ; стоять въ церкви за службой честно и со страхомъ, внимать чтенію и пѣнію и не творя говора и шептаній; обличенія: „недароимцамъ“, т. е. не причащающихся тѣла Христова хотя по однажды въ году; обидящимъ церковь Божію и слугъ ея и неслушающимъ заповѣдей апостольскихъ и правилъ святыхъ отецъ „и—говорить язворъ посланія—моей святительской митрополичей заповѣди“.

⁶⁾ Съ посланіемъ въ Новгородъ отъ 29 Августа 1410 г., напечатаннымъ въ Актахъ Експедиціи, I, № 369, и перепечатаннымъ въ Памятникахъ *Павлова*, col. 270.

предполагаемы три случая: или что посланіе дѣйствительно принадлежитъ св. Петру, а Фотій заимствовалъ свое посланіе изъ него; или что позднѣйшій книжникъ соединилъ въ одно мѣсто посланія Фотія и Петра и далъ своему соединенію имя перваго; или, наконецъ, что этотъ позднѣйшій книжникъ соединилъ въ одно мѣсто посланія Фотіева и неизвѣстнаго митрополита и приписалъ свое соединеніе св. Петру совершенно произвольно. Что касается до большіей вѣроятности одного изъ трехъ случаевъ, то намъ вовсе не представляется вѣроятнымъ, чтобы Фотій заимствовалъ свое посланіе изъ посланія св. Петра, такъ что, по нашему мнѣнію, можетъ идти рѣчь о принадлежности св. Петру только второй части посланія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы ничего не можемъ сказать и должны ограничиться только замѣчаніемъ, что принадлежитъ или не принадлежитъ св. Петру эта часть посланія, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ ее не въ подлинномъ видѣ, а въ болышей или меньшей, отчасти повѣжественной, передѣлкѣ компилятора (такъ же, какъ и первую часть, составляющую посланіе Фотія)¹⁾.

Такъ какъ мы не имѣемъ учительныхъ посланій отъ предшествовавшихъ св. Петру митрополитовъ; то можно было бы приимать, что онъ первый былъ вводителемъ этихъ посланій. Однако, есть нѣкоторыя основанія думать (приведемъ ихъ послѣ), что это не такъ,—что обычай писать

¹⁾ Въ одномъ Хронографѣ (библіотеки Влоавской Семинаріи, № 2215, ч. I л. 63) мы встрѣтили загадочное поученіе св. Петра, которое, по причинѣ его краткости, приводимъ здѣсь сполна: „*Поученіе Петра митрополита ко князю великому Дмитрію и къ смерти его (sic, нужно: сыну, супругу?) и къ братіи его и къ епископу и къ бояромъ и къ стиримъ и ко младымъ и ко всемъ христианомъ* (курсивъ кинноварью). Дѣти, были есте отъ Бога въ казни, его же любить отецъ сына, тогда и наказуетъ; а по первому и по второму и третіему наказанію оже не имѣте слушати, предасть Богъ таковаго мучителямъ и (sic) большую казнь; дѣти, не давайтесь въ безстрашіе; старіи добръ помнятъ, како было при великомъ князѣ и при смерти его, да и воспоминають младымъ, а младіи велико послуханіе имѣйте и держите“. Можно было бы подумать, что это есть поученіе вел. кн. Дмитрію Михайловичу по случаю убіенія отца его въ Ордѣ въ 1318 г.; но не позволяетъ предполагать этого выраженіе: „старіи добръ помнятъ“, ибо при св. Петрѣ очень хорошо помнили смерть Михайла Ярославича не только старые, но и молодые.

подобныя посланія существовалъ уже прежде и что отъ предшествующихъ митрополитовъ ихъ только не сохранилось до настоящаго времени.

Изъ сейчасъ сказаннаго нами получаются нѣкоторыя черты для характеристики св. Петра, какъ пастыря. Вопервыхъ, несомнѣнно, что онъ былъ пастырь очень ревностный: объ этомъ свидѣтельствуютъ его путешествія по Руси съ цѣлю ученія и исправленія и его многія пастырскія посланія. Во вторыхъ, дается намъ знать, что при своей ревности онъ обладалъ не рядовымъ характеромъ, который дѣлалъ его способнымъ къ тому, чтобы въ разрѣшеніи вопроса объ улучшеніяхъ и исправленіяхъ онъ явился инициаторомъ и нововводителемъ (законоположеніе о вдовыхъ священникахъ). Выше мы привели общій отзывъ о св. Петрѣ его перваго житія, что онъ училъ крестьяны, якоже Василій Великій и Іоаннъ Златоустый и Григорій Богословъ, т. е. что онъ былъ пастырь очень учительный. Что нужно понимать этотъ отзывъ не какъ простое общее мѣсто, видно изъ словъ самаго св. Петра, который въ одномъ изъ своихъ сохранившихся посланій пишетъ: „того ради, дѣти, писаніемъ и неписаніемъ понужаю васъ на дѣла благая, зане долженъ есмь всегда поминати и писати (вамъ) душеполезная и спасеная“¹⁾.

Св. Петръ во время своего пребыванія на каѳедрѣ митрополичьей по крайней мѣрѣ одинъ разъ долженъ былъ путешествовать въ Орду, гдѣ получилъ ханскій ярлыкъ, сохранившійся до настоящаго времени.

Въ 1313 г. умеръ ханъ Тохта или Тохтагу и его мѣсто заступилъ ханъ Узбекъ. Новый ханъ при своемъ возшествіи на престолъ, какъ говорили мы прежде, далъ узаконеніе, чтобы на будущее время ко вновь вступающимъ

¹⁾ Во второмъ посланіи нашего счета.—Въ 1312 г. св. Петръ снялъ санъ съ епископа Сарайскаго Измаила. Такъ какъ епископъ Сарайскій занималъ такое положеніе, что могъ играть очень важную политическую роль, направляя благоволеніе ханскаго двора въ ту или другую сторону: то могло быть, что епископа постигла казнь церковная за вину нецерковную (объ епископѣ именно Измаилѣ смъ Воскресенск. лѣт. подъ 1296 г.). Но если мы примемъ, что епископъ лишился сана за прямую виновность по должности, то мы должны будемъ видѣть въ св. Петрѣ митрополита очень строгаго.

на престолъ ханамъ являлись за полученіемъ утвердительныхъ ярлыковъ не только князя, но и митрополиты, и потребовалъ, чтобы исполненіе этого узаконенія началось съ него самого. Въ слѣдствіе сего св. Петръ въ 1313 г. и долженъ былъ предпринять путешествіе въ Орду. Неизвѣстно кѣмъ и когда сдѣланное предисловіе къ полученному имъ отъ хана ярлыку сообщаетъ, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду достигнуть и своихъ собственныхъ цѣлей, а именнно—принести хану жалобу на обиды церкви отъ нѣкоторыхъ лукавыхъ челоувѣкъ и предупредить какіе-то замыслы намѣревавшихся пойти или шедшихъ къ хану Пѣмечкихъ пословъ и епископа папскаго Матося ¹⁾). Разсказъ о путешествіи св. Петра даетъ предполагать въ немъ челоувѣка, обладавшаго житейскимъ даромъ или житейскою мудростію обращенія съ людьми и веденія дѣлъ: оно было совершенно и исключительнымъ образомъ благоусибно. Новый ханъ звалъ къ себѣ митрополита не за тѣмъ, чтобы надѣлать ему какихъ нибудь непріятностей; но онъ могъ принять его холодно и непочтено. На самомъ дѣлѣ, по словамъ лѣтописи ²⁾, св. Петръ „въ Ордѣ у царя бысть въ чести велицей и отпущенъ бысть отъ царя со многою честію вборзѣ“. Что это было дѣйствительно такъ, вполне подтверждается и даннымъ отъ хана ярлыкомъ. По своей редакціи ярлыкъ этотъ отличается отъ всѣхъ другихъ ханскихъ ярлыковъ тою особенностію, что сравнительно очень обширенъ, такъ что права митрополита—его получателя, подтверждаются въ немъ съ пространнымъ, имѣющимъ видъ нарочитой настоятельности, многословіемъ. Необходимо думать, что ханская канцелярія изготовила ярлыкъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ, по нарочитому приказанію хана, желавшаго выразить чрезъ это свое особенное благоволеніе къ св. Петру. Затѣмъ, какъ мы указывали прежде, и въ самомъ своемъ содержаніи ярлыкъ отличается одною важною особенностію отъ ярлыка Менгу-Темирова, даннаго митр. Кириллу: въ немъ предоставляется св. Петру судить принадлежащихъ ему людей во всемъ безъ изыятія—„и въ разбои и въ поличномъ и въ татьбѣ и во всякихъ дѣлахъ“.

¹⁾ См. у Карамз. IV, прим. 245.

²⁾ Никоновской, III, 108.

Подъ лукавыми человѣками, на обиды которыхъ митрополитъ имѣлъ въ виду жаловаться хану, съ весьма большою вѣроятностію должно разумѣть не кого иного, какъ самого великаго князя Михайла Ярославича. Крайне любезный ярлыкъ хана митрополиту даетъ знать, что онъ вообще явилъ себя покровителемъ послѣдняго въ возможно полной мѣрѣ; а сейчасъ указанную особенность ярлыка болѣе чѣмъ вѣроятно понимать какъ слѣдствіе жалобы митрополита на великаго князя, т. е. что ханъ, желая избавить его отъ всякихъ столкновеній съ великимъ княземъ, освободилъ принадлежавшихъ ему людей отъ всякой подсудности второму. Такъ какъ во время пребыванія св. Петра въ Ордѣ находился тамъ и великій князь (для полученія своего ярлыка) и, нѣтъ сомнѣнія, старался изо всѣхъ силъ противодействовать ему: то въ объясненіе его полнаго успѣха представляется необходимымъ усвоить ему тотъ житейскій даръ, о которомъ мы сказали выше ¹⁾. Что касается до замысловъ, которые имѣли Нѣмецкіе послы и епископъ папинъ и которые хотѣлъ предупредить св. Петръ, то объ этомъ, при совершенномъ молчаніи (сколько знаемъ) западныхъ источниковъ, ничего не можемъ сказать положительнаго. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ то, что папа, занимавшійся тогда пропагандой своего латинскаго христіанства въ Черноморскомъ побережьи ханскихъ владѣній, хотѣлъ съ помощью Нѣмецкихъ пословъ водворить при ханѣ и въ его столицѣ своего епископа въ качествѣ такого-же епископа Сарайскаго, каковымъ былъ нашъ епископъ православный. Если это такъ, то старанія св. Петра, справедливо долженствовавшаго видѣть въ этомъ опасность для нашего православія, увѣнчались успѣхомъ.

Мы сказали выше, что вел. кн. Михайло Ярославичъ обвинялъ митрополита передъ патріархомъ во взиманіи платы за поставленія, т. е. во взиманіи платы, существо-

¹⁾ Не задолго передъ тѣмъ (въ предшествующемъ 1312 г.) поставленный въ епископы Сарайскіе Варсанофій на мѣсто низведеннаго Измаила, если только уже успѣлъ до того завести въ Ордѣ связи и знакомства, несомнѣнно былъ усерднымъ старателемъ за митрополита (а что въ позднѣйшее, но крайній мѣръ, время епископъ пользовался нарочитымъ благоволеніемъ Узбека, относительно этого мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, — Ник. лѣт. III, 155 нач.).

навшемъ узаконенно, которое князь принималъ за незаконное. Это частное обвиненіе противъ митрополита, не достигнувъ тѣхъ цѣлей, на которыя было оно рассчитано, выступило затѣмъ въ видѣ общественнаго протеста противъ существовавшей у насъ практики взиманія платы за поставленія. Выше мы упоминали, что епископъ Тверской Андрей, тотчасъ послѣ собора Переяславскаго, послать въ Константинополь своего монаха навести справки, какъ смотрять тамъ на плату за поставленія, и что великій князь, введенный въ заблужденіе донесеніемъ монаха, во второй разъ послѣ собора обвинялъ митрополита передъ патріархомъ въ томъ же взиманіи платы. Отъ этого, ходившаго въ Константинополь, монаха, по имени Акиндина, сохранилось посланіе къ Михайлу Ярославичу, въ которомъ онъ увѣряетъ князя, будто въ Константинополѣ многочисленный соборъ патріаршій назвалъ ему всякое взиманіе платы корчемствомъ и симоніей, и въ которомъ онъ убѣждаетъ князя положить конецъ существованію незаконнаго обычая своею государственною властію. Адресованное къ князю посланіе было пуцено Акиндиномъ въ среду читающихъ людей, какъ публичное сочиненіе, и такимъ образомъ явилось между ними какъ публичный и открытый протестъ противъ существовавшаго обычая. По своему содержанію посланіе Акиндиново до крайней степени рѣзко. Совершенно приравнивая существовавшее у насъ взиманіе платы за поставленія къ симоніи и духопродавчеству, онъ обрушивается на него со всею тою беспощадностію, которая подобала бы по отношенію къ этимъ послѣднимъ. „Молчанія ради боюся осуженія,—пишетъ монахъ князю,—вида ересь растущу и множащуся, безстуднѣ и непокровенными усты износиму, наченшуси обычаемъ богонепавистнымъ отъ старѣйшихъ святитель нашихъ и до меньшихъ, непродасемую благодать Духа святаго въ куплю вводить и взимати отъ поставленія митрополиту отъ епископа и отъ попа и отъ дьякона и отъ прочихъ причетникъ, такоже и епископу отъ суцаго подѣ нимъ всего причта, отъ первыхъ и до послѣднихъ, и отъ всякаго священія: апостольское (же) и богоносныхъ отецъ соборное преданіе поставленнаго на мздѣ и съ поставльшимъ его обоихъ отъ сана измещеть и отнюдь къ тому непричастнома быти своего степени (повелѣ-

ваетъ) и въ проклятіи сводить“. Совершенно приравнивая взиманіе платы къ симоніи, монахъ Акидинъ не смущается провозглашать и тѣ конечные выводы, которые отсюда слѣдовали: „ставя бо и взимая ставленое, — говоритъ онъ, — то уже изверженъ, (а ставяся) отъ изверженнаго никоеже не имать пользы отъ поставленія и пріобщаяся пречистыхъ таинъ отъ него (поставленнаго), вѣдая, съ нимъ осудится“, и еще: „по великому Аѳанасію, всякъ человекъ, пріимъ отъ Бога разумъ рассужати, послѣдовавъ невѣжи пастуху, муку пріиметь, по реченому: слѣпъ слѣпа ведя, оба въ яму впадетсяя, рекше въ бездну“. Съ безпощадною смѣлостію и съ немалою язвительностію обличаетъ Акидинъ нашихъ епископовъ, взимавшихъ плату за поставленія. Одни изъ епископовъ, не умѣя чѣмъ отвѣчать обличавшимъ ихъ, изъясняли желаніе заградить уста обличителей посредствомъ насильственнаго принужденія. Акидинъ говоритъ о нихъ: „сребрелюбія страстію помрачившися, хотящихъ по истинѣ рещи чѣмъ, злобою воспрещаютъ, кривымъ извѣтомъ глаголюще: сами вѣмы, не требъ ны ваше исповѣданіе“. Другіе епископы говорили, что они взимають плату ради поганскаго, т. е. татарскаго, насилія. Акидинъ отвѣчаетъ имъ: „поганый, подобно тому какъ разбойникъ и тать, всяко тщаніе творить пограбити, гдѣ видитъ богатство (какъ это—подразумѣваетъ онъ -- имѣетъ мѣсто у васъ-епископовъ); а идѣже нищета Христова смиренія, ту не надѣется ничтоже пріобрѣсти, то и не насилить и не томить“... „Апостоли—спрашиваетъ Акидинъ архіереевъ—ци богатствомъ отъ конца и до конца вселенныя проповѣдію слова протекоша?“ Обращаясь къ великому князю съ убѣжденіемъ, показать тщаніе въ исправленіи архіереевъ, Акидинъ говоритъ: „се удобреніе есть всецерковному исполненію, еже святителей чистота и къ Богу дерзновеніе, аще право и подобно имуть житіе, добръ имуще разумъ божественныхъ писаній, могуще еретикомъ заградити уста и священныя каноны вѣдѣти и творити; а не еже зватися именемъ точію святителей и очистительскими ризами украшатися и множествомъ предстоящихъ кичитися, многонароднымъ во слѣдованіемъ чтити себе, и запрещати безъ правды, мучительно, а не святительно, и злобою покрыватися отъ обличающихъ“...

Св. Петръ, бывъ посланъ въ Константинополь Галичскимъ великимъ княземъ Юріемъ Львовичемъ для поставленія въ отдѣльные митрополиты Галичскіе, былъ поставленъ тамъ въ митрополиты всея Россіи. Патріархъ Аѳанасій, давшій было Галиціи отдѣльнаго митрополита въ 1303 г., потомъ почему-то перемѣнилъ свои мысли и послѣ смерти этого отдѣльнаго митрополита, послѣдовавшей одновременно со смертію митрополита всея Россіи Максима, отказалъ Юрію Львовичу въ его просьбѣ дать Галиціи новаго отдѣльнаго митрополита. Но въ правленіе самого Петра при второмъ преемникѣ патріарха Аѳанасія Іоаннѣ Гликѣ южная Русь снова получила отдѣльнаго митрополита. Этотъ новый митрополитъ, по имени Теофилъ, называется не Галичскимъ, а Литовскимъ, потому, какъ должно думать, что онъ былъ истребованъ у императора и патріарха не великимъ княземъ Галичскимъ, а великимъ княземъ Литовскимъ; что же касается его митрополичьей области, то со всею вѣроятностію нужно полагать, что она обнимала обѣ заднѣпровскія Руси—Литовскую и Галичскую, какъ это послѣ Петра видимъ при Теофностѣ.

Литовцы, особый народъ въ Индоевропейскомъ семействѣ народовъ, ближайшій между другими народами семейства къ нашему Славянскому, жили по южному и восточному берегамъ Балтійскаго моря въ нынѣшней сѣверо-восточной Пруссіи (начиная на западѣ отъ рѣки Вислы) и въ нашихъ губерніяхъ Курляндской и частію Лифляндской и потомъ внутрь отъ моря—въ нашихъ губерніяхъ Ковонской и частію Виленской, Сувалкской (царства Польскаго), Минской и Гродненской. Западная половина Литовцевъ, носившая особое названіе Пруссовъ, была покорена въ XIII вѣкѣ (съ 1230 по 1283 г.) Нѣмецкимъ орденомъ; восточная же половина (наша теперешняя Русская) образовала изъ себя великое княжество Литовское, которое простерло свою власть на весьма значительную часть и нашей Руси. До сороковыхъ годовъ XIII вѣка восточные Литовцы не составляли изъ себя одного государства, но распадались на мелкія и весьма мелкія владѣнія. Около 1238 г. у нихъ явился князь—собиратель земли, который соединилъ всѣ мелкія владѣнія въ одно государство; этотъ князь, „самодержецъ

всен земли Литовской“ ¹⁾, былъ Миндовгъ, правившій до 1263 г. Съ сего Миндовга и начинается завоеваніе Руси Литовцами. Мы не знаемъ исторіи завоеваній Миндовга, но въ концѣ своего правленія онъ владѣлъ болѣе или менѣе значительною частію княжества Полоцкаго ²⁾. При его преемникахъ Тройденѣ (1270—1283) ³⁾ и Витенѣ (1283—1315) Литовцы dokonчили завоеваніе (въ видѣ прямого покоренія или же подчиненія своей вассальной власти) княжества Полоцкаго и овладѣли княжествомъ Туровскимъ и частію княжества Волынскаго. Преемникъ Витеня знаменитый Гедиминъ (1315—1341) ⁴⁾, перенесшій столицу княжества изъ Трокъ, гдѣ она дотолѣ находилась, въ Вильно) въ 1320 г. покорилъ все княжество Волынское, а въ 1321 г. овладѣлъ древною столицею Руси Кіевомъ, такъ что къ 1321 г. вся юго-западная Русь стала Литовскою, за исключеніемъ Галиціи.

Исторія поставленія при св. Петрѣ отдѣльнаго митрополита Литовскаго, который, какъ со всею вѣроятностію должно думать, получилъ въ свое завѣдываніе и Галицію или былъ поставленъ въ митрополиты Галицко-литовскіе, остается намъ въ своихъ подробностяхъ неизвѣстною. Въ одномъ изъ списковъ каталога архіерейскихъ кафедръ, составленнаго при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ (1282—1327), читается историческое замѣчаніе, что Литва, принадлежавъ къ митрополю великой Россіи, сдѣлана особой митрополіей при помянутомъ императорѣ Андроникѣ и при патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ ⁵⁾; а Іоаннъ Глика занималъ патріаршіи престолъ съ Мая мѣсяца 1316 г. по

¹⁾ Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 567.

²⁾ Въ 1258 г. Литва приходила къ Смоленску съ Полочанами; слѣдовательно — въ семь гду Полочане были уже данниками Литвы.

³⁾ После смерти Миндовга сынъ его Воишелкъ отдалъ было некое княженіе Литовское своему зятю (мужу своей сестры) Шварну, сыну Давида Романовича Галичскаго; но этотъ скоро умеръ и на престолъ Литовскій снова вступилъ природный Литовецъ.

⁴⁾ Годъ смерти Гедимина по Русскимъ лѣтописямъ, въ числѣ которыхъ и Новгородская 1-я, веденная современниками.

⁵⁾ У Ралли и II. V, 494, прил. 2 (въ замѣчаніи выставленъ и годъ, но въ напечатанномъ спискѣ къ тысячамъ и сотнямъ не достаеъ десятковъ и единицъ. „въ 68. лѣто“ отъ С. М.).

тотъ же мѣсяць 1320 г. Затѣмъ, въ сохранившихся до настоящаго времени записяхъ дѣяній Константинопольскаго патриаршаго собора XIV в. находимъ, что митрополитъ Литовскій (*ὁ Λιθβάδων*) присутствовалъ на этомъ соборѣ въ Августѣ мѣсяцѣ 1317 г. ¹⁾ Изъ сейчасъ сказаннаго мы получаемъ тѣ историческія данныя относительно поставленія отдѣльнаго митрополита Литовскаго, что онъ поставленъ былъ въ 1316—1317 г. и что его испросилъ у импер. Андроника и патр. Іоанна Глики великій князь Литовскій Гедиминъ. Совершенно естественно было, чтобы этотъ послѣдній, овладѣвъ весьма значительною частію Руси, находилъ неудобною и небезопасною въ политическомъ отношеніи церковную зависимость своихъ Русскихъ подданныхъ отъ митрополита, жившаго во Владимирско-московской Руси: а потому онъ и могъ придти къ мысли искать для своей Литовской Руси особаго митрополита. Какогда отдѣльной Литовской митрополіи учреждена была не такимъ образомъ, чтобы возведенъ былъ въ санъ митрополита одинъ изъ существовавшихъ Литовско-русскихъ епископовъ, а такимъ образомъ, что митрополитъ поставленъ былъ какъ новый противъ прежнихъ архіерей, съ новой епархіей и съ новой кафедрой. Въ епархію митрополиту была назначена самая Литва, сколько было въ ней Русскихъ и сколько было въ ней православныхъ христіанъ изъ самихъ Литовцевъ; а кафедра его помѣщена была въ городѣ Новогрудкѣ (Новомъ городкѣ), нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ Минской губерніи.

Въ правленіе св. Петра являлся у насъ на Руси еретикъ. Извѣстія объ этомъ еретикѣ читаются въ житіяхъ св. Петра; но, къ сожалѣнію, онѣ чрезвычайно кратки и совершенно неопредѣленны. Неизвѣстный авторъ перваго житія пишетъ: „и Сеита ²⁾ еретика (святый святитель) препрѣ, пріѣхавши (*вар.* пріѣхавшию) на прю и прокля и“. Митр. Кипріянь говоритъ: „въ то же время (именно—когда Петръ началъ приходитъ въ старость) и Сеитъ еретикъ

¹⁾ Acta Patriarchatus Constantinopolitani, изд. Миклошичъ и Миллеромъ, I, 72.

²⁾ Исправляемъ чтеніе имени по житію Кипріянову. Въ спискѣ житій, напечатанномъ преосв. Макаріемъ вмѣсто „Сеита“ читается: „се даго“, въ спискѣ Троицкомъ Лаврекомъ: „Сита“.

явися и чуждая церкви Христовы и православныя вѣры мудрствуя; его же святыи препрѣ и непокаряющася того проклятію предаеть, иже и погипе“¹⁾. Этотъ являвшійся при св. Петрѣ еретикъ переноситъ насъ въ мусульманскій міръ. Сеить есть слово арабское, собственно — сеидъ, и значить: господинъ. По общему употребленію этого слова въ мусульманскомъ мірѣ оно составляетъ титулъ потомковъ Магомета отъ его дочери Фатимы и зятя Алія; но у Татаръ, какъ дѣють знать наипи лѣтописи и другіе памятники, сеитами назывались высшіе магометанскіе духовные (какъ бы магометанскіе архіереи,—можетъ быть потому, что они у нихъ были или долженствовали быть изъ потомковъ Магомета)²⁾. Извѣстіе житій св. Петра о нашемъ еретикѣ, по видимому, надлежало бы понимать такъ, что онъ былъ высшій магометанско-татарскій духовный, принявшій христіанство и потомъ внавшій въ ересь. Но намъ представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать другое, именно—что слово еретикъ употребляется въ житіяхъ въ весьма несобственномъ смыслѣ,—что Сеить былъ высшій магометанскій духовный, не принимавшій христіанства, а остававшійся магометаниномъ, и что онъ вступалъ въ преніе съ св. Петромъ съ тою цѣлію, чтобы попытаться обратить его въ магометанство или по крайней мѣрѣ одоржать надъ нимъ побѣду въ богословскомъ диспутѣ. Въ правленіе св. Петра, при ханѣ Узбекѣ (вступившемъ на престолъ въ 1313 г.) Татары приняли магометанство: весьма возможно, что на первыхъ порахъ между ихъ магометанскими духовными находились люди, мечтавшіе о томъ, чтобы обратить въ магометанство и ихъ данниковъ Русскихъ; нашъ Сеить и могъ быть однимъ изъ числа магометанскихъ духовныхъ, увлеченныхъ подобною мечтою, т. е. могъ устроить богословское преніе съ св. Петромъ, одушевляясь надеждою обра-

¹⁾ Авторъ Никоновской лѣтописи, заимствуя извѣстіе объ еретикѣ изъ житія Кириіана, вмѣсто „Сеить еретикъ“ пишетъ: „се инъ еретикъ“.

²⁾ Свидѣтельства лѣтописей см. у Карамзина и Архипалева по Index'амъ; въ Азбуковникахъ слово сеить толкуется словомъ владыка, т. е. архіерея, ср. Никон. лѣт. V, 261. У Грековъ сеитами назывались также магометанскіе духовные, см. у Дюканжа въ Gloss. Graecit. сл. *Seitides*. По свидѣтельству Вамбери, въ Хивѣ въ настоящее время верховное духовное лицо (накибъ) всегда изъ сеидовъ или потомковъ пророка.

тять его, а за нимъ и его паству, въ магометанство, или по крайней мѣрѣ имѣя въ виду посрамить его предъ его паствою, чтобы такимъ образомъ открыть въ послѣднюю доступъ магометанской пропагандѣ. Въ первомъ житіи неизвѣстнаго говорится, что св. Петръ препрѣлъ еретика—по однимъ спискамъ: „пріѣхавши на прю“, по другимъ: „пріѣхавшю на прю“¹⁾, т. е. что или онъ ѣздилъ къ еретику на преніе или что еретикъ пріѣзжалъ для сего къ нему. Въ первомъ случаѣ дѣло нужно понимать такъ, что по просьбѣ Сеита св. Петръ былъ вызываемъ хапомъ для пренія въ Орду; во второмъ случаѣ такъ, что Сеитъ самъ пріѣзжалъ къ нему во Владимиръ или въ Москву. Во всякомъ случаѣ эти „пріѣхавши“ и „пріѣхавшю“ вовсе не идутъ къ обыкновенному еретику (такъ какъ ни Петръ не поѣхалъ бы къ нему, ни онъ къ Петру) и подкрѣпляютъ вѣроятность нашего предположенія²⁾. Магометанскіе богословы на Востокѣ—въ Азіи имѣли большую склонность къ диспутамъ съ христіанскими богословами. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они сохранили эту склонность и у Татаръ и что если мы не знаемъ о нихъ, то только по причинѣ молчанія нашихъ лѣтописей. Впрочемъ, послѣ предполагаемаго нами диспута св. Петра съ магометанскимъ богословомъ мы положительно знаемъ еще о такомъ же диспутѣ св. Алексѣя.

Въ правленіе св. Петра, и именно—въ самомъ его началѣ, имѣла мѣсто попытка папы привлечь къ союзу съ Римскою церковію Галичскаго великаго князя Юрія Львовича. Длugoшъ пишетъ объ этомъ подъ 1309 г.: „папа Климентъ V, отправивъ пословъ къ Русскому королю, увѣщевалъ и убѣждалъ его, чтобы онъ, согласно своему обѣщанію, данному чрезъ пословъ и чрезъ посланія, не пренебрегъ (не откладывая) приступить къ повиновенію Римской церкви и къ союзу съ нею; король, отпустивъ тщетными (ни съ чѣмъ) апостолическихъ пословъ, остался непоколебимымъ въ заста-

¹⁾ Первое чтеніе—въ спискѣ, напечатанномъ преев. Макаріемъ, второе—въ Троицкомъ Лаврскомъ.

²⁾ Если митр. Кирианъ говоритъ о судьбѣ Сеита, что онъ, проклятыи Петромъ, погибъ, т. е. подвергся гражданской казни: то это могло случиться очень просто: онъ принялъ Сеита за обыкновеннаго еретика и прибавилъ „погибе“ по априорическому заключенію.

рѣдой схизмѣ и хотѣлъ предпочитать Греческія заблужденія католическому благочестію“¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ иныхъ свѣдѣній о попыткѣ, кромѣ тѣхъ, которыя читаются у Длугоша и которыя мы сейчасъ привели; а поэтому, остается намъ вовсе неизвѣстнымъ, когда и по какимъ побужденіямъ посылалъ къ папѣ своихъ пословъ и свои посланія великій князь Юрій Львовичъ.

Въ концѣ правленія св. Петра, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1324 г., состоялось опредѣленіе Константинопольскаго патріаршаго собора, имѣвшее фискальное значеніе для Русской митрополіи. Доходы каѳедры Константинопольскихъ патріарховъ оскудѣли тогда до такой степени, что оказывались недостаточными для патріарха и находившихся при немъ клириковъ или его чиновниковъ. Въ слѣдствіе сего соборъ приговорилъ, чтобы на будущее время подвѣдомые патріарху митрополиты и архіепископы оказывали ему помощь посредствомъ ежегоднаго взноса опредѣленныхъ суммъ, соотвѣтствующихъ ихъ доходамъ²⁾. Въ приговорѣ соборномъ, въ которомъ прописаны митрополіи и архіепископіи съ обозначеніемъ суммы, какую каждая должна вносить, нѣтъ митрополіи Русской, равно какъ и всѣхъ вообще митрополій и архіепископій внѣшнихъ, — находившихся внѣ Византійской имперіи. Вѣроятно, это значитъ то, что на митрополіи и архіепископіи внѣшнія не находили удобнымъ наладать обязательнаго взноса и рассчитывали на добровольную съ ихъ стороны помощь. Какъ бы то ни было, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что по отношенію къ исключительной Русской митрополіи, вѣроятно—уже и прежде служившей помпщицею патріарховъ если не постоянно, то не рѣдко, начала быть считаема обязательною такая добровольная помощь, которая создала въ бюджетѣ нашего митрополита и нашихъ епископовъ немаловажную статью расхода подъ именемъ „Константинопольскаго выхода“.

Знаменитымъ дѣломъ св. Петра, имѣвшимъ весьма важное вліяніе на рѣшеніе политической судьбы Руси, было перенесеніе имъ каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву.

¹⁾ Lib. IX, ed. Lips. 1711, p. 928.

²⁾ Acta Patriarchat. Constantinop. Мик.оммча, 1, 128.

Москва, въ которой создано великое Русское государство, не принадлежит къ числу городовъ Руси ни историческихъ, ни знаменитыхъ исторически: въ Суздальскомъ княжествѣ былъ срубленъ маленькій пригородъ, ставшій потомъ, съ размноженіемъ князей Суздальскихъ, маленькимъ удѣломъ, и этотъ маленький пригородъ и маленький удѣлъ почти сразу поднялся на степень города, собирающаго около себя всю Русскую землю. Москва въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1147 г., въ правленіе Суздальскаго князя Юрія Владимировича Долгорукаго. Записанное въ позднѣйшее время преданіе о сему князю усвоено и ея построеніе. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ нынѣшней Москвы находилось имѣніе богатаго боярина Стефана Кучки, состоявшее изъ боярской усадьбы и окружающихъ ее селъ, — что князь Юрій Владимировичъ, бывъ оскорбленъ бояриномъ, приказалъ казнить его, а имѣніе его взялъ на себя, и на землѣ имѣнія, нашелъ удобное мѣсто для города, приказалъ срубить городъ, который назвалъ по рѣкѣ Москвою ¹⁾. Вторая половина преданія, дѣлающая Москву селомъ крови, можетъ быть, и несправедлива; но составляетъ историческій фактъ то, что она поставлена на мѣстѣ, которое называлось Кучковымъ ²⁾, слѣдовательно — она дѣйствительно поставлена на землѣ боярина Кучки: по преданію, Юрій Владимировичъ, убивъ Кучку, выдалъ его дочь Улиту за своего сына Андрея (Боголюбскаго); можетъ быть, князь не убивалъ боярина, а, женивъ своего сына на его дочери, получилъ отъ него имѣніе въ даръ или въ приданое за дочь ³⁾. Князь поставилъ городъ, имѣвшій служить пограничною крѣпостью и сторожею отъ княжествъ Смоленскаго, Черниговскаго и Рязанскаго, какъ наибольшую частію ставились города, на стрѣлкѣ между двумя рѣками — на холмѣ (Боровичскомъ,

¹⁾ У Карамз. т. II, прим. 301 (позднѣйшія сказки тутъ же и т. I, прим. 292). Мѣсто усадьбы боярина Кучки преданіе полагаетъ на нынѣшнихъ Чистыхъ прудахъ, что между Мясницкой и Покровской улицами за почтамтомъ.

²⁾ Платск. лѣт. подъ 1176 г., 2 изд. стр. 407: „идоша до Кучкова, рекоше до Москвы“

³⁾ Имя Кучковичъ и Петръ Кучковъ были главными убійцами Андрея Боголюбскаго.

потомъ Кремлевскомъ) между Москвой рѣкой и впадающей въ нее Неглинной (нынѣ текущей подъ Александровскимъ садомъ). Въ 1213 г. великій князь Юрій Всеволодовичъ послалъ въ Москву на удѣлъ своего сына Владимира. Въ 1238 г. Москва была выжжена Татарами. Послѣ нашествія Татаръ она, какъ кажется, довольно долгое время оставалась безъ своего удѣльнаго князя ¹⁾, а потомъ великій князь Александръ Ярославичъ Цевскій (1252--1263) посадилъ въ ней своего младшаго сына Данила, потомки котораго и остались въ ней, тотчасъ же послѣ него начавъ возводить ее на степень знаменитой Москвы. Преемникъ Данила Александровича его старшій сынъ Юрій Даниловичъ, ожесточенный врагъ великаго князя Михайла Ярославича, сидѣвшій послѣ него на престолѣ великокняжескомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ 1318 по 1322 годъ, былъ современникомъ св. Петра: онъ заступилъ въ Москвѣ мѣсто отца въ 1304 г., предваривъ митрополита четырьмя годами, а умеръ въ концѣ 1325 г., ровно за годъ съ мѣсяцемъ до смерти послѣдняго ²⁾.

Въ житіяхъ св. Петра мы находимъ рассказы о перенесеніи имъ каеэды митрополичьей изъ Владимира въ Москву. Неизвѣстный авторъ перваго житія пишетъ: „Преходя грады, обрѣте (святый святитель) градъ честенъ кротостію, зовомый Москва, въ помжо (обрѣте) князя богочтива, именемъ Ивана, сына Данилова, внука Александра, милостива до

¹⁾ Нѣкоторыя позднѣйшія лѣтописи и сказанія называютъ Московскимъ княземъ младшаго сына Ярослава Всеволодовича Михайла, по прозванію Хороборита (храбраго), убитаго въ войнѣ съ Литовцами въ 1248 г. (см. у Карамз. IV, 42 и у Соловьева т. III, изд. 4 стр. 186 нач.); но мы въ этомъ сомнѣваемся: князь погребенъ не въ Москвѣ, а во Владимірѣ (Лаврент. лѣт. подъ 1248 г.).

²⁾ Юрій Даниловичъ началъ искать подъ Михайломъ Ярославичемъ великокняжескаго престола тотчасъ же по занятіи первымъ послѣдняго, что было въ томъ же 1304 г. Въ 1318 г. онъ успѣлъ достигнуть того, что Михайло Ярославичъ былъ убитъ въ Ордѣ, оставивъ ему великокняжескій престолъ. Но въ 1322 г. престолъ отнялъ у него сынъ Михайла Ярославича Дмитрій, который въ 1325 г., мети за отца, и убилъ его въ Ордѣ. Но своимъ нравственнымъ качествамъ Юрій Даниловичъ, какъ извѣстно, стоитъ въ ряду нашихъ стараго времени князей на одномъ изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ (человѣкъ -- совершенно и до послѣдней степени не рыцарь).

святыхъ церквей и до нищихъ, самого горазда святымъ книгамъ (и) послушателя святыхъ ученій; обитавъ (святитель) во градѣ томъ и рече богочтивому князю: „о сыну! многое твое благочестіе, послушай мене днесь“; благочестивому князю обѣщавши(у)ся и рече святой митрополить: „да зиждется церковь камена во градѣ твоємъ святая Богородица“; благовѣрный князь поклонися и рече: „твоею молитвою, святой отче, да будетъ“; основаннѣй же бывши церкви и гробъ собѣ сотвори святыма своима рукама; по малѣ же времени возвѣщена бысть святымъ ангеломъ смерть его“... Далѣе разсказывается, что св. Петръ умеръ въ Москвѣ и погребенъ въ новооснованной каменной церкви Богородицы. У митр. Кипріяна читаемъ: „И яко убо прожожаше грады и мѣста Божіи человекъ Петръ, приде въ славный градъ, зовомый Москва, еще тогда малу сущу ему и немногонародну, а не якоже нынѣ видимъ есть нами; въ томъ убо градѣ бѣше обладая благочестивый и великій князь Иванъ Даниловичъ, внукъ Александра блаженнаго, его же видѣ блаженный Петръ въ православіи сіяюща и всякими добрыми дѣлы украшена, милостива суща до нищихъ, честь подающа святымъ Божіимъ церквамъ и тѣхъ служителямъ, любочестива къ божественнымъ писаніемъ и послушателя святыхъ ученій книжныхъ; и зѣло возлюбилъ его Божій святитель, нача больше инѣхъ мѣсть жити въ томъ градѣ; совѣщаетъ же совѣтъ благъ князю, совѣтуя ему, яко да сотворить церковь каменомъ составленну во имя пречистыя Владычица наша Богородица и Приснодѣвы Марія, пророчествовавъ сице: „яко аще мене, сыну! послушаеши и храмъ пречистыя Богородицы воздвигнеши во своемъ градѣ, и самъ прославишися наче инѣхъ князей и сынове и внуцы твои (прославятся) въ роды, и градъ сои славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ рускиихъ и святители поживуть въ немъ и въздутъ руки его на плеча враговъ его и Богъ прославится въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положени будутъ“... Сія убо словеса князь отъ учителя съ радостію приемъ, начатъ со тщаніемъ о церкви приложати и основаннѣй ей бывши начатъ день отъ дне спѣяти и воздвизатися“... Далѣе разсказывается, что прежде чѣмъ церковь была окончена, св. Петръ скончался и былъ положенъ въ ной, въ приготовленномъ имъ самимъ гробѣ.

Иванъ Даниловичъ Калита, младшій братъ Юрія Даниловича, занялъ его мѣсто въ Москвѣ въ концѣ 1325 г., за годъ съ мѣсяцемъ до смерти св. Петра (а доголѣ сидѣлъ въ Переяславлѣ, который достался ихъ отцу Данилу Александровичу въ 1303 г. послѣ бездѣтно умершаго племянника Ивана Дмитріевича). Такимъ образомъ, по представленію житій выходило бы, что св. Петръ подъ самый конецъ своей жизни пришолъ въ „честную кротостію“ Москву, — какъ удачно выражается объ ея бѣдности авторъ перваго житія, — что онъ нашолъ здѣшняго князя Ивана Даниловича человекѣмъ очень благочестивымъ и что это послѣднее обстоятельство возбудило въ немъ желаніе быть погребеннымъ въ Москвѣ, что дѣйствительно такъ и было сдѣлано. Если бы и не имѣли мы никакихъ данныхъ для надлежащаго представленія о дѣлѣ, то и тогда оно вовсе не могло бы казаться намъ вѣроятнымъ въ томъ видѣ, какъ представляется въ житіяхъ. Митрополитъ нашолъ въ одномъ маленькомъ городѣ благочестиваго князя, и вдругъ у него является желаніе быть погребеннымъ въ этомъ городѣ: какая тутъ внутренняя связь? Митрополитъ, конечно, долженъ былъ очень радоваться, что въ его митрополи есть благочестивый князь; но совершенно непонятно вдругъ явившееся у него желаніе быть погребену въ городкѣ благочестиваго князя: у него была кафедра во Владимирѣ и ему надлежало быть погребеннымъ при ней ¹⁾. Второй изъ жизнеописателей, митр. Кипріанъ, проговаривается, что дѣло было не такъ: онъ говоритъ, что св. Петръ пришолъ въ Москву при Иванѣ Даниловичѣ, т. е. не ранѣе какъ за годъ до смерти, и однако потомъ говоритъ, что святитель „начать больше инѣхъ мѣсть жити въ томъ градѣ“, т. е. дастъ знать, что митрополитъ пришелъ въ Москву вовсе не за годъ только до смерти.

Дѣло дѣйствительно должно быть представляемо далеко не такъ, какъ оно представляется въ житіяхъ.

¹⁾ Герберштейну, во время его бытности въ Москвѣ, передавали и такую (нѣсколько замоскворѣцкую) легенду, что будто св. Петръ переселился въ нее ради жившаго въ ней какого-то святаго старца Алексея (не могъ-де митрополитъ переслатъ старца къ себѣ во Владимиръ, такъ самъ не затруднился ради него перенести кафедру митрополіи изъ Владимира въ Москву...).

Послѣ смерти митр. Максима великій князь Михайло Ярославичъ посылалъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты своего игумена Геронтія съ тѣмъ, чтобы въ митрополитѣ себѣ преданномъ пріобрѣсти себѣ сильнаго помощника въ своей борьбѣ съ княземъ Московскимъ и вообще въ своихъ стремленіяхъ къ возвышенію своей родовой Твери. Когда вмѣсто Геронтія пришло на митрополицию каедрю св. Петръ, великій князь встрѣтилъ неожиданнаго митрополита, какъ врага, и этимъ врагомъ его остался во всю свою жизнь, не одинъ разъ пытавшійся свергнуть его съ каедры. Встрѣченный какъ врагъ великимъ княземъ, Петръ естественно и необходимо долженъ былъ искать дружбы съ его врагомъ—княземъ Московскимъ, ибо между двумя врагами, бывъ принятъ какъ врагъ однимъ, онъ не могъ стать ни чѣмъ инымъ, какъ другомъ другаго. При этомъ и князь Московскій не могъ сдѣлать ничего иного, какъ то, чтобы со всею возможною поснѣпностію и со всѣмъ возможнымъ стараніемъ искать дружества митрополита, который нашолъ врага въ великомъ князѣ. Михайло Ярославичъ для борьбы съ своимъ врагомъ и для возвышенія своего Тверскаго удѣла хотѣлъ пріобрѣсти себѣ помощника въ митрополитѣ, и это ему не удалось: естественно, что Московскій князь, пользуясь мыслию своего соперника, тотчасъ же долженъ былъ употребить всѣ свои усилія достигнуть того, что не удалось Михайлу Ярославичу, т. е. пріобрѣсти въ митрополитѣ того помощника, котораго хотѣлъ найти въ немъ послѣдній. Такимъ образомъ, необходимо думать, что тѣсная связь и дружба митрополита съ княземъ Московскимъ, — не съ Иваномъ Даниловичемъ Калитой, а съ его старшимъ братомъ Юріемъ Даниловичемъ, началась съ самой первой минуты прибытія митрополита на Русь. Что это было дѣйствительно такъ, мы имѣемъ на это и положительныя доказательства. На соборѣ Переяславскомъ только что прибывшій митрополитъ имѣетъ многочисленную партію свѣтекыхъ сторонниковъ: ясно, что этихъ сторонниковъ создалъ ему и что во главѣ этихъ сторонниковъ стоялъ князь Московскій. Тотчасъ или весьма скорѣ послѣ собора Переяславскаго, въ 1311 г. сынъ великаго князя, вѣроятно — все еще находившагося, какъ и во время собора, въ Ордѣ, Дмитрій Михайловичъ

пришелъ ратью на князя Московскаго, какъ кажется, вынужденный оберегать великокняжескія права своего отца: митрополитъ, ясно являющійся сторонникомъ князя Московскаго, употребилъ противъ княжича Тверскаго такую рѣшительную мѣру, какъ церковное отлученіе. Итакъ, знакомство св. Петра съ Москвою должно было начаться не за годъ только до смерти, а съ самой первой минуты прибытія на Русь, т. е. собственно прибытія въ Русь Суздальскую или Владимирскую. Имѣя своимъ врагомъ великаго князя, которому принадлежалъ Владимиръ, хотя этотъ и не жилъ въ немъ постоянно, митрополитъ, естественно, могъ находить неудобнымъ и стѣснительнымъ для себя пребываніе въ своемъ кафедральномъ городѣ, а поэтому весьма вѣроятно предполагать, что съ самой первой минуты прибытія на Русь онъ старался какъ можно менѣе жить во Владимирѣ и какъ можно болѣе въ Москвѣ, у своего союзника-князя Московскаго. Что это было дѣйствительно такъ, на это мы имѣемъ указанія въ лѣтописяхъ. Давая знать о томъ, что пребыванія или проживанія Петра въ Москвѣ начались съ перваго времени занятія имъ кафедрой митрополичьей, лѣтописи говорятъ, что онъ имѣлъ въ Москвѣ свой дворъ на двухъ мѣстахъ, — сначала на одномъ, а потомъ перенесъ на другое (сначала дворъ находился при церкви Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ ¹⁾, потомъ перенесенъ былъ на то мѣсто, на которомъ и остался навсегда, — на мѣсто нынѣшней синодальной палаты ²⁾). Эти частыя и продолжительныя проживанія митрополита въ Москвѣ, начавшіяся съ перваго времени его прибытія на Русь, не означали перенесенія имъ кафедры митрополичьей изъ Владимира въ Москву: онѣ означали только проживаніе митрополита вмѣсто своего стольнаго города въ одномъ изъ пригородовъ своей епархіи, каковымъ была Москва по отношенію къ Владимиру въ церковно-административномъ отношеніи.

Послѣ временныхъ, болѣе или менѣе частыхъ и продолжительныхъ, пребываній или проживаній въ Москвѣ, св. Петръ наконецъ перенесъ въ нее изъ Владимира кафедру митрополиі.

¹⁾ Такъ называемая Типографская лѣтопись, стр. 259.

²⁾ Никон. лѣт. III, 130 нач.

Относительно этого послѣдняго дѣйствія св. Петра на самомъ дѣлѣ необходимо думать, что мысль о немъ онъ возымѣлъ только уже подъ самый конецъ своей жизни, въ правленіе не Юрія Даниловича, а дѣйствительно, какъ говорятъ житія, только уже Ивана Даниловича. Объ этомъ ясно говоритъ исторія каменной церкви, въ которой св. Петръ имѣлъ быть погребеннымъ. Если бы еще Юрію Даниловичу изъяснилъ онъ свое желаніе или точнѣе — какъ скажемъ сейчасъ ниже — согласіе быть погребеннымъ въ Москвѣ; то Юрій Даниловичъ давно бы и заблаговременно и построилъ каменную церковь, имѣвшую служить для него усыпальницей. Но церковь эта строится только при Иванѣ Даниловичѣ: ясно, что и мысль о томъ, чтобы Петръ погребенъ былъ не во Владимирѣ, а въ Москвѣ, явилась только при немъ. Но исторіи построения церкви мы даже съ совершенною точностію можемъ опредѣлить время, когда было рѣшено между св. Петромъ и Иваномъ Даниловичемъ, чтобы останки перваго были положены не во Владимирѣ, а въ Москвѣ. Каменные церкви, какъ и всякія каменные зданія, начинаютъ класть весною; нашу же церковь начали класть совѣмъ не въ обычное время—въ Августѣ мѣсяцѣ 1326 г. (она заложена 4 Августа): очевидно, кладка пачата не въ обычное время по той причинѣ, что только въ это необычное время состоялось помянутое соглашеніе. А если не отложили кладки до весны слѣдующаго года, то необходимо думать, что не находили возможнымъ сдѣлать этого въ виду старости и болѣзненности св. Петра, который и дѣйствительно скончался черезъ четыре съ половиной мѣсяца послѣ заложения церкви.

Житія св. Петра увѣряютъ, что онъ самъ изъяснилъ Ивану Даниловичу желаніе быть погребеннымъ вмѣсто Владимира у него въ Москвѣ. Но представлять дѣло такимъ образомъ вовсе не вѣроятно. Обстоятельства выпуждали св. Петра проживать по часту, или можетъ быть — болѣею частію, вмѣсто Владимира въ Москвѣ. Но Владимиръ былъ его каедральнымъ городомъ и ему надлежало быть погребену при ого каедрѣ. Какъ митрополитъ, св. Петръ не могъ имѣть совершенно никакихъ побужденій къ тому, чтобы желать быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ; а представлять дѣло такъ, будто возбудило въ

немъ желаніе быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ благочестіе Московскаго князя, какъ уже мы говорили, было бы очень странно, потому что митрополиты должны быть погребены при своихъ каедрахъ, а не въ какихъ нибудь и не во всякихъ другихъ мѣстахъ своихъ епархій, гдѣ придется имъ встрѣтить благочестивыхъ людей. Имѣлъ побужденія желать, чтобы св. Петръ былъ погребенъ въ Москвѣ и чтобы его преемники начали жить въ пей, князь Иванъ Даниловичъ въ тѣхъ политическихъ видахъ, чтобы нахождение въ Москвѣ каедры митрополитовъ содѣйствовало перенесенію въ нее изъ Владимира престола великокняжескаго. И необходимо принимать, что инициатива въ этомъ дѣлѣ о рѣшеніи св. Петра быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ принадлежала не ему самому, а князю, — что Иванъ Даниловичъ, возымѣвъ желаніе, чтобы св. Петръ вмѣсто Владимира былъ погребенъ у него въ Москвѣ, обратился къ нему съ настоятельными просьбами о семъ и что онъ, уступая просьбамъ князя и входя въ его политическіе виды, и далъ послѣднему относительно этого свое согласіе. Иванъ Даниловичъ, наслѣдовавъ послѣ смерти брата престолъ Московскій, не наслѣдовалъ отъ него вмѣстѣ съ тѣмъ престола великокняжескаго, который послѣ недолгаго сидѣнія на немъ Юріева (1318—1322), снова возвратился къ князьямъ Тверскимъ ¹⁾, такъ что въ ту минуту, когда состоялось соглашеніе между Иваномъ Даниловичемъ и св. Петромъ о погребеніи послѣдняго вмѣсто Владимира въ Москвѣ, первый не былъ великимъ княземъ, а только удѣльнымъ княземъ Московскимъ. Выходить, по видимому, то странное, что Иванъ Даниловичъ мечталъ о перенесеніи столицы великаго княженія изъ Владимира въ Москву, когда еще не владѣлъ этой столицей. Но къ овладѣнію столицей онъ

¹⁾ Дмитрій Михайловичъ, согнавшій Юрія съ престола великокняжескаго въ 1322 г. и потомъ убившій его въ Ордѣ въ 1325 г., былъ за это послѣднее самъ казненъ смертью по приказанію хана (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1327 г., черезъ 10 съ небольшимъ мѣсяцевъ послѣ убійства Юріева, въ продолженіе которыхъ находился въ Ордѣ въ заключеніи); но престолъ великокняжескій все таки не былъ отнятъ ханомъ у князей Тверскихъ: онъ отданъ былъ брату Дмитріеву Александру, на мѣсто котораго уже по смерти св. Петра и сѣлъ Иванъ Даниловичъ.

настоятельнымъ образомъ стремился и оно было для него, такъ сказать, дѣломъ рѣшеннымъ. Юрій Даниловичъ, послѣ 14-лѣтнихъ усиленнѣйшихъ исканій престола великокняжескаго подѣ Михайломъ Ярославичемъ (1304—1318) наконецъ доставивъ его, когда скоро затѣмъ былъ снова съ него согнанъ (1322), какъ кажется, предался отчаянію и махнулъ на него рукой ¹⁾. Но Иванъ Даниловичъ, заступивъ мѣсто брата на столѣ Московскомъ, началъ исканіе престола великокняжескаго съ тою же настойчивостію, съ какою искалъ его Юрій Даниловичъ въ помянутыя первыя 14 лѣтъ. Между Тверью и Москвой дѣло было поставлено такимъ образомъ, чтобы быть или не быть той или другой изъ нихъ.

Употребляя точнѣйшія рѣчи объ этомъ перенесеніи св. Петромъ кафедръ митрополіи изъ Владимира въ Москву, мы должны сказать, что собственно говоря св. Петръ вовсе не переносилъ кафедръ изъ одного города въ другой и что то дѣйствіе, которое онъ сдѣлалъ по отношенію къ Москвѣ и которую принято называть перенесеніемъ кафедръ, можетъ быть называемо таковымъ только въ весьма несобственномъ и весьма неточномъ смыслѣ слова. Кафедра митрополіи могла быть перенесена формальнымъ и настоящимъ образомъ по двумъ причинамъ — или по той церковной причинѣ, что Владимиръ прекратилъ бы свое существованіе, либо по чему нибудь оказался невозможнымъ для пребыванія, или по той причинѣ государственной, что Москва стала бы вмѣсто него столицей великаго княженія. Ни одной, ни другой причины вовсе не существовало, и св. Петръ, вовсе не имѣвшій причинъ къ перенесенію кафедръ изъ Владимира въ Москву, дѣйствительно вовсе и не переносилъ ея, ибо въ продолженіе довольно долгаго времени послѣ него кафедра митрополитовъ продолжала оставаться во Владимирѣ, а если митрополиты послѣ него начали жить въ Москвѣ, то это значило, что вмѣсто того, чтобы жить при

1) Съ 1322 г. Юрій жилъ не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ и занимался не интригами противъ Дмитрія Михайловича, а дѣлами Новгородскими (Новгород. 1 лѣт.; можетъ быть, впрочемъ, имѣлъ въ виду то, чтобы выждать случая и съ помощью Новгородцевъ отнять у князя Тверскаго престолъ великокняжескій).

своей каедрѣ, они начали жить въ одномъ изъ пригородовъ своей епархіи (вопреки 82-му правилу Кароагенскаго собора). Мы сказали, что еслибы Москва заступила мѣсто Владимира въ качествѣ столицы великаго княженія, то существовала бы законная причина къ перенесенію каедръ митрополичей изъ одного города въ другой. Напротивъ, въ данномъ случаѣ требовалось достигнуть того, чтобы пребываніе митрополитовъ на жительствѣ въ Москвѣ содѣйствовало возвышенію послѣдней на степенѣ столицы великаго княженія (послѣ чего каедръ митрополіи и могла бы быть перенесена въ нее формальнымъ образомъ). Не переноса каедръ митрополіи изъ Владимира въ Москву формальнымъ образомъ, что было невозможно по несуществованію причинъ, св. Петръ могъ содѣйствовать только тому, чтобы его преемники, вслѣдъ за нимъ, утвердили свое пребываніе въ Москвѣ, —этомъ пригородѣ митрополичей епархіи, вмѣсто своего каедральнаго города Владимира. Въ видахъ достиженія этой цѣли, св. Петръ и сдѣлалъ то, что изъявилъ согласіе быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ. Желаніе по отношенію къ его преемникамъ, выраженное имъ въ этомъ согласіи, т. е. желаніе, чтобы преемники остались жить при его гробѣ, нисколько не было обязательно для сихъ послѣднихъ: могло оно осуществиться, какъ это и на самомъ дѣлѣ случилось, могло и не осуществиться. Но сдѣлать чего нибудь, что было бы обязательнымъ для преемниковъ, св. Петръ былъ не въ состояніи, потому что это было не въ его средствахъ. Онъ могъ только принять мѣры, чтобы его непосредственный преемникъ былъ подобно ему человѣкъ, имѣвшій охоту жить въ Москвѣ; эти мѣры онъ дѣйствительно и принималъ, какъ скажемъ ниже въ рѣчахъ о занявшемъ послѣ него каедръ митрополіи Оеогностѣ.

Итакъ, исторія такъ называемаго перенесенія св. Петромъ каедръ митрополіи изъ Владимира въ Москву представляется въ слѣдующемъ видѣ. Св. Петръ, бывъ поставленъ въ митрополиты и прибывъ во Владимиръ, патолъ врагомъ себѣ Владимирскаго великаго князя Михайла Ярославича, каковымъ врагомъ его великій князь и остался на все послѣдующее время. Припятый какъ врагъ великимъ княземъ, св. Петръ по необходимости долженъ

былъ обратиться къ врагу сего послѣдняго — къ Московскому князю Юрію Данилову, съ которымъ и вступилъ въ союзъ дружества. По своимъ отношеніямъ къ великому князю не находи удобнымъ пребываніе для себя во Владимирѣ, при своей каюдрѣ, гдѣ былъ хозяиномъ именно великій князь, св. Петръ по часту, или можетъ быть — даже и весьма по часту, проживалъ у своего союзника, Юрія Даниловича въ его Москвѣ, которая въ церковно-административномъ отношеніи была однимъ изъ пригородовъ митрополичьей епархіи. Подъ конецъ жизни св. Петра преемникъ Юрія Даниловича на Московскомъ столѣ, его братъ Иванъ Даниловичъ, задался мыслию навсегда удержать митрополитовъ въ Москвѣ, дабы обезпечить чрезъ это успѣхъ своему политическому замыслу перенести изъ Владимира въ Москву столицу великаго княженія. Съ этою цѣлію Иванъ Даниловичъ, обратился къ св. Петру съ просьбою, чтобы онъ согласился быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ, — и св. Петръ, удовлетворяя просьбѣ и сочувствуя политическимъ стремленіямъ дружественнаго ему князя, далъ послѣдному свое согласіе. — Отчего житія св. Петра, написанныя людьми, нарочито радѣвными объ интересахъ Москвы, представляютъ дѣло такъ, будто онъ самъ изъявилъ Ивану Даниловичу желаніе быть погребеннымъ въ Москвѣ, это совершенно попятно: при такомъ представленіи дѣла, т. е. что св. Петръ самъ избралъ Москву мѣстомъ своего погребенія, фактъ его погребенія въ ней получалъ новое и особое, въ смыслѣ важности для нея, церковно-политическое значеніе.

Въ церковно-административномъ отношеніи, какъ говорили мы, Москва составляла пригородъ митрополичьей епархіи. Имѣй она своего епископа или принадлежи къ другой епархіи, не митрополичьей, то очень могло бы быть и весьма вѣроятно, что св. Петръ, не находи удобнымъ для себя пребываніе во Владимирѣ, избралъ бы для своего пребыванія не её, а другой какой-нибудь городъ, принадлежавшій къ его епархіи. Такимъ образомъ, обстоятельства Москвы, предназначенной быть собирательницею Руси, были именно таковы, чтобы св. Петръ могъ жить въ ней, а затѣмъ и быть погребеннымъ въ ея стѣнахъ.

Москва, задавшаяся мыслию сдѣлаться вмѣсто Владимира

столицей наследственнаго великаго княженія, была еще такъ „смиренна кротостію“, по удачному выраженію перваго жизнеописателя св. Петра, что въ ней не было еще ни одной каменной церкви. Св. Петръ, конечно, могъ быть погребенъ въ ней и въ одной изъ деревянныхъ церквей. Но его погребеніе въ Москвѣ было разсчитано на то, что при церкви, въ которой онъ будетъ погребенъ, стануть жить въ ней, какъ бы по выраженному имъ чрезъ это завѣту, его преемники. Какъ будущей фактически-каедральной церкви митрополитовъ (рядомъ съ юридически-каедральной — Владимирскимъ Успенскимъ соборомъ) нашей церкви надлежало быть каменною. Получивъ согласіе св. Петра на то, чтобы быть ему погребеннымъ въ Москвѣ, князь Иванъ Даниловичъ съ послѣдностію приступилъ къ постройкѣ каменной церкви, какъ усыпальницы для митрополита. Церковь эта, весьма скромная по своимъ размѣрамъ ¹⁾, хотя не смотря на свою внѣшнюю скромность и ставшая вскорѣ знаменитою, была заложена 4 Августа 1326 г. Въ два или полтора осеннію мѣсяцы она не могла быть складена сполна; между тѣмъ св. Петръ скончался тоже зимой—съ 20-го на 21-е Декабря ²⁾. Въ слѣдствіе этого тѣло его было погребено въ начатой, но не оконченной, церкви, которая была окончена и освящена уже въ слѣдующемъ 1327-мъ году. Заранѣе приготовивъ для себя каменный гробъ, онъ поставилъ его въ отдѣленіи жертвенника или проскомидіи у внѣшней стѣны ³⁾: здѣсь и положены были его останки.

При мощахъ св. Петра начали твориться чудеса съ самой минуты его погребенія. Торжественнымъ и формальнымъ образомъ онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ спустя всего 13 лѣтъ послѣ своей кончины при слѣдующемъ за нимъ митрополитѣ Θεогностѣ.

1) Нынешній Московскій Успенскій соборъ не есть первоначальный, о которомъ говоримъ, а построенный вновь на мѣсто первоначальнаго.

2) По свидѣтельствѣ перваго житія, св. Петръ передъ своею кончиною, о которой извѣщенъ былъ ангеломъ, раздалъ свое имѣніе нищимъ, священникамъ, монахамъ и монахинямъ, всѣмъ церковникамъ и своимъ домо-чадцамъ.

3) Что у внѣшней стѣны, это видно изъ словъ Никоновской и Воскресенской лѣтописей о мѣстѣ положенія тѣла Θεогноста.

До настоящаго времени сохраняется въ Москвѣ нѣсколько священныхъ предметовъ и вещей, которые усвоятся преданіемъ св. Петру. Они суть слѣдующіе: 1) написанная святителемъ икона Успенія Божіей Матери, находящаяся въ Успенскомъ соборѣ, въ нижнемъ ярусѣ главнаго иконостаса, второю по правую сторону отъ царскихъ вратъ; 2) другая написанная имъ икона Божіей Матери, нарочито извѣстная подъ именемъ Петровской, находящаяся въ томъ же Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ апостоловъ Петра и Павла; 3) принадлежавшая ему папагія (золотая, полуовальная, на серебрянной золоченой цѣпочкѣ, украшенная ладами и каффимскими зернами, съ вставленнымъ съ передней стороны ониксомъ, на которомъ вырѣзано изображеніе пророка Даниила съ греческою по сторонамъ надписью: *ὁ προσφύτης Δανιήλ*, и съ вырѣзаннымъ на задней сторонѣ, по золоту, образомъ Божіей Матери Одигитріи), хранящаяся въ Синодальной ризницѣ; 4) принадлежавшій ему саккосъ (изъ лазореваго атласа, съ вытканными въ кругахъ четвероконечными крестами), хранящійся въ той же ризницѣ; 5) принадлежавшая ему епитрахиль (изъ гвоздичной камки, украшенная 6-ю большими и нѣсколькими малыми дробнидами, обнизанными мелкимъ жемчугомъ), хранящаяся въ той же ризницѣ; 6) принадлежавшій ему посохъ, возобновленный патр. Іоакимомъ, находящійся въ Успенскомъ соборѣ и стоящій у патриаршаго мѣста; 7) его богослужебная шапка, находящаяся въ томъ же соборѣ при его мощахъ (въ духовныхъ грамотахъ великихъ князей Василья Васильевича и Ивана Васильевича, — Собр. госудд. грамм. и договв. I, 206 и 398, и въ одной грамотѣ о смерти царя Бориса Федоровича Годунова, — Акт. эксп. II, 86 фп., упоминается, какъ принадлежавшій названнымъ государямъ, крестъ чудотворца Петра: но въ настоящее время крестъ этотъ неизвѣстенъ).

Е. Голубинскій.

СОДЕРЖАНІЕ:

Житія св. Петра—не вполне удовлетворительный источникъ свѣдѣній объ его жизни—стр. 18. Посылка въ Константинополь послѣ смерти митр. Максима-великимъ княземъ Владимирскимъ, удѣльнымъ княземъ Тверскимъ, Михайломъ Ярославичемъ игумена Геронтія для поставленія въ митрополи въ всея Россіи и одновременно съ этимъ посылка въ Константинополь великимъ княземъ Галицкимъ Юріемъ Львовичемъ игумена св. Петра для поставленія въ митрополи Галицкіе—20. Біографическія свѣдѣнія о св. Петрѣ—22. Устраненіе патріархомъ Геронтія и поставленіе въ митрополи всея Россіи св. Петра—24. Нежеланіе великаго князя Михаила Ярославича принять св. Петра и притворное примиреніе съ нимъ—26. Доносъ на св. Петра патріарху, съ цѣлю удалить его съ каедры, сдѣланный великимъ княземъ чрезъ Тверскаго епископа Андрея, и Переяславскій соборъ на Петра подъ предѣтельствомъ патріаршала клирика или чиновника—27. Вопросъ о неизвѣстныхъ намъ положительныхъ образъ обвиненій, введенныхъ великимъ княземъ на св. Петра—29. Вторичная попытка великаго князя удалить св. Петра съ каедры митрополичей—34. Скудость извѣстій о церковно-правительственной дѣятельности св. Петра—38; его законоположеніе о вдовыхъ священникахъ—39; его учительныя посланія—40. Поѣздка св. Петра въ Орду къ хану и полученный имъ отъ хана ярлыкъ—43 гл.. Поднявшійся у насъ протестъ противъ взимаія епископами платы за поставленія въ церковныя степени—45 гл. Отдѣленіе Литвы и Галиціи въ особую митрополию—48. Еретикъ Сеитъ—50. Сношенія съ ханомъ Галицкаго великаго князя Юрія Львовича—52. Перенесеніе св. Петромъ (не собственно такъ называемое) каедры митрополи изъ Владимира въ Москву—53 гл. Кончина св. Петра, его причисленіе къ лику святыхъ и остающіеся послѣ него до настоящаго времени священные предметы и вещи—65.
